

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ЮССИ АДЛЕР-ОЛЬСЕН

РОМАН

ДОМ АЛФАВИТА

Адлер-Ольсен тщательно выстраивает «Дом алфавита»...
Все это работает на создание идеальной атмосферы триллера.

Library Journal

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Юсси Адлер-Ольсен

Дом алфавита

Серия «Звезды мирового детектива»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67321496
Юсси Адлер-Ольсен Дом алфавита:
ISBN 978-5-389-20505-5

Аннотация

Январь 1944 года. Британские летчики Брайан и Джеймс выпрыгивают с парашютом из подбитого над Германией самолета. Уходя от погони, они проникают в санитарный поезд, везущий раненых с Восточного фронта. Присвоив личные документы немецких офицеров, предприимчивые англичане симулируют безумие и оказываются в госпитале, расположенном в горах Шварцвальда. Однако вскоре выясняется, что в отделении под странным названием «Дом алфавита» есть и другие симулянты – четверо эсэсовцев, которые перегнали в Германию вагон награбленных ценностей и желают отсидеться в тихом месте до конца войны... Положение новоприбывших становится угрожающим. Какая участь ожидает Брайана с Джеймсом, если их разоблачат?.. Как выбраться из этой страшной ловушки?

Впервые на русском!

Содержание

Предисловие автора	5
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	24
Глава 3	36
Глава 4	61
Глава 5	75
Глава 6	81
Глава 7	96
Глава 8	107
Глава 9	114
Глава 10	121
Глава 11	129
Глава 12	140
Глава 13	148
Глава 14	166
Глава 15	176
Конец ознакомительного фрагмента.	177

Юсси Адлер-Ольсен

Дом алфавита

Jussi Adler-Olsen

ALFABETHUSET

Copyright © Jussi Adler-Olsen, 2007

Published by agreement with JP/Politikens Hus A/S,
Denmark

& Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

All rights reserved

Серия «Звезды мирового детектива»

Перевод с датского Дарьи Гоголевой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Виктории Манацковой

© Д. А. Гоголева, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Предисловие автора

Эта книга – не роман о войне.

«Дом алфавита» – история о человеческом предательстве, которая могла бы произойти при любых обстоятельствах: в браке, на работе или в экстремальных условиях, таких как корейская война, Англо-бурская война, Ирано-иракская война, ну или, в данном случае, Вторая мировая.

Причин тому, что рамкой послужила именно та война, несколько. Прежде всего, я сын психиатра, а потому рос при лечебницах для душевнобольных – так их называли в пятидесятых и начале шестидесятых. И хотя мой отец мыслил на удивление прогрессивно и по-новаторски, я лично неизменно наблюдал за тем, как тогда обращались с душевнобольными.

Многие из них существовали в системе с тридцатых годов, и меня интересовали методы лечения, а также представления о больницах и врачах – того периода и военного времени. Параллельно я познакомился с несколькими пациентами – подозреваю, что они были симулянтами. Если смотреть детским наивным и зорким взглядом.

Один пациент с хроническим психическим заболеванием – человек, с которым мой отец случайно сталкивался на протяжении многих лет, – в целом приспособился к жизни в лечебнице с помощью двух изречений. «Да, тут что-то есть!» –

произносил он, оставаясь, как правило, немногословным. А обострить или разрешить почти любую ситуацию он мог, с неподдельным облегчением воскликнув: «А, слава богу!» Это был один из тех, кого я мог подозревать в уходе от общества к миру и покою лечебной системы при помощи той или иной странной формы симуляции.

Но возможно ли сохранить самого себя и собственный разум в подобной системе, если на самом деле болезни нет? В любом случае поверить в это сложно, когда думаешь о ряде весьма крутых методов, бывших в то время в ходу. Мог ли наш немногословный пациент сберечь здоровье?

Через много лет мой отец снова увидел того пациента. Насколько мне известно, это произошло в семидесятые годы, когда мир стал посвободнее. Этого человека зараза тоже коснулась. Свой репертуар он пополнил третьим предложением: «Да пошел ты!» Он шел в ногу со временем.

И снова я не мог не задаться вопросом: он болен или здоров?

Желание связать два интересных предмета – *вероятное* психическое заболевание и Вторую мировую войну – лишь усилилось во время беседы с Карной Бруун, ныне покойной подругой моей матери. Карна работала медсестрой в Бад-Кройцнахе под началом профессора Сауэрбруха и смогла подтвердить и развить ряд имеющихся у меня теорий.

Летом 1987 года под усыпанным звездами небом Террачины я поделился с женой набросками истории. В то время

я, точно так же как и сейчас, буквально преклонялся перед писателями, умеющими сочетать погружение в тему и литературное мастерство, а благодаря той самой истории моя жена поверила, что попытаться действительно стоит.

На претворение задуманного в жизнь ушло почти восемь лет.

Во время работы я оказался в долгу перед Фондом семьи Треск, выделившим деньги на поездку во Фрайбург-им-Брайсгау, где в основном и разворачивается история, военной библиотекой во Фрайбурге и доктором Экером, главным архивариусом Государственного архива во Фрайбурге.

Моя жена Ханна Адлер-Ольсен неустанно служила мне музой и критиком и подпитывала мою веру в обоснованность амбиций.

Мои талантливые и мудрые друзья Хеннинг Куре, Еспер Хельбо, Томас Стендер, Эдди Киран, Карл Россхоу, а также не в последнюю очередь мои сестра Элсебет Веренс и мать Карен-Магрете Ольсен прочли книгу, добавив в нее множество уточнений. Книга также претерпела ряд сокращений. Все ее составляющие подверглись оценке и переработке, и результат оправдал мои ожидания.

Юсси Адлер-Ольсен

Часть I

Глава 1

Погода далеко не идеальная.

Холодный ветер и плохая видимость.

Условия небывало суровые для английского января.

Американские экипажи уже сидели на взлетно-посадочной полосе, когда к ним подошел высокий англичанин. Он еще не до конца проснулся.

За первой группой с земли привсталала некая фигура и помахала ему. Помахав в ответ, англичанин широко зевнул. Сплошные ночные вылеты – после такого сложно снова войти в обычный режим.

Впереди ждет долгий день.

Вдалеке машины медленно двигались к южной оконечности взлетной полосы. Значит, скоро они поднимутся в воздух.

Приятное и в то же время давящее чувство.

Указания насчет предстоящей миссии поступили из расположенного в Саннингхилл-Парке штаба генерал-майора Льюиса Х. Бреретона. О содействии со стороны Британии он попросил главнокомандующего Королевскими вооруженными

ми силами Харриса, маршала авиации. На американцев британские «москито» неизменно производили впечатление: во время ноябрьских налетов на Берлин они раскрыли столь тщательно охраняемую тайну немцев – производство ракетного комплекса «Фау-1» в Цемплине.

Выбор личного состава поручили подполковнику Хадли-Джонсу, который доверил выполнение задачи своему сослуживцу, командиру авиационного крыла Джону Вуду.

Ему предстояло отобрать двенадцать британских экипажей. Восемь инструкторских групп и четыре вспомогательных со специальными разведывательными целями в составе 8-й и 9-й воздушных армий США.

Для выполнения задачи двухместные истребители «Р-51D Мустанг» оснастили панорамными приборами и чувствительными оптическими инструментами.

Всего две недели назад в первый экипаж отобрали Джеймса Тисдейла и Брайана Янга – испытать оборудование при так называемых нормальных условиях.

Если коротко, их снова вполне мог ждать бой.

Вылет запланировали на 11 января 1944 года. Цель – авиационные заводы в Ошерслебене, Брауншвейге, Магдебурге и Хальберштадте.

Пришлось прервать рождественский отпуск, чем оба были недовольны. Оба устали от боевых действий.

– За четырнадцать дней в адскую машину вникнуть! – вздыхал Брайан. – Я во всех этих приборах ни черта не смыс-

лю. Чего бы Дяде Сэму свой экипаж в эту дрянь не посадить?

Джон Вуд стоял к обоим спиной, склонившись над документами:

– Потому что ему нужны вы!

– А это разве довод?

– Вы оправдаете ожидания американцев и в живых останетесь.

– А вы нам это гарантируете?

– Да!

– Джеймс, скажи чего-нибудь! – Брайан повернулся к другу.

Потеребив шарф, Джеймс пожал плечами. Брайан тяжело сел.

Никакой надежды.

По расчетам, вся операция должна была занять шесть часов. Общая численность войск – примерно шестьсот пятьдесят четырехмоторных бомбардировщиков 8-й воздушной армии США, им предстоит бомбить авиационные заводы в сопровождении истребителей дальнего действия Р-51.

Во время налета самолет Брайана и Джеймса от группы оторвется.

Ходили упорные слухи, что в последнюю пару месяцев в Лауэнштайне, к югу от Дрездена, отмечается повышенный приток строителей, инженеров и высококвалифицированных технических специалистов, а также огромного коли-

чества пленных рабочих – поляков и русских.

По имеющимся у разведки сведениям, на местности ведутся строительные работы, но какие именно – неизвестно. Имелись теории насчет фабрик для производства синтетического топлива. Если это правда, то впереди катастрофа, ведь это серьезное подспорье для немецких проектов по созданию летающих бомб типа «Фау».

Поэтому задача Брайана и Джеймса – как можно тщательнее отснять и картографировать этот район, а также железнодорожные пути рядом с Дрезденом, чтобы обновить имеющиеся у разведки сведения. Выполнив задачу, они вернутся к группе и отправятся домой, в Англию.

Многие участвующие в операции американцы уже закалились в воздушных боях. Несмотря на мороз и предстоящие события, они улеглись, наполовину вытянувшись, на одетой в белое, промерзшей земле, которую кто-то назвал взлетно-посадочной полосой. Большинство из них болтали, как будто собрались на вечеринку или устроились отдохнуть воскресным вечером дома на диване. Повсюду сидели одиночки – обхватив руками колени и уставившись в никуда. Молодые и неопытные, они еще не научились забывать сны и обуздывать страх.

Англичанин прошел между сидящими людьми к своему товарищу – тот растянулся на земле, подложив руки под голову. Почувствовав легкий пинок в бок, Брайан вздрогнул.

Падающие снежинки ложились на носы и брови. А небо у них над головами хмурилось все сильнее. От прочих ночных вылетов этот сильно отличаться не будет.

Под Брайаном тихо вибрировало сиденье.

Воздушное пространство наполняли сигналы от остальных самолетов группы. Каждый звучал отчетливо и ясно. На тренировках они не раз шутили: можно закрасить окна и летать на одной технике. Вот до чего точное оборудование.

Во время этого задания шутка вполне могла стать правдой. Джеймс охарактеризовал видимость следующим образом: «Ясность, как в симфонии Белы Бартока». Дворники и нос самолета, разрезавший снежную массу, – больше ничего видно не было.

Мнения у них разделились. Не по поводу безумия задачи – за такой короткий срок сменить деятельность и оборудование, – а о мотивах Джона Вуда. По его словам, выбрали их потому, что они лучшие, и Джеймс действительно в это верил.

Брайан упрекал его. Не приходилось сомневаться, что Джон Вуд выбрал именно их потому, что Джеймс никогда не перечил, когда дело касалось службы. Если говорить об этой операции, разбираться с проблемами было некогда.

Джеймса раздражали упреки. Поводов для волнений и так хватало. Путь предстоял неблизкий, оборудование новое. Погода – дрянь. А когда они оторвутся от основной

группы, им уже никто не поможет. Если предположения разведки верны и там действительно строят столь важные заводы, эту территорию очень хорошо охраняют. Доставить фотографии в Англию будет очень непросто.

Но Джеймс прав. Кому-то же надо это сделать. К тому же особой разницы по сравнению с налетами на Берлин нет.

И они ведь пока еще живы.

Молча сидевший за Джеймсом Брайан выполнял свою работу безупречно, как всегда. Из-за вибраций его зачесанные назад волосы медленно сползли на лоб. Брайан выделялся прической. Когда он только-только причешется, кажется, что они с Джеймсом почти одного роста.

Среди карт и измерительных приборов Брайана висела фотография женщины по имени Магда Донат из женской добровольческой организации. По ее мнению, Брайан – вылитый Адонис.

Они долго были вместе.

Как по мановению властной дирижерской руки, немецкая противовоздушная оборона заиграла увертюру, выпустив снаряды по первым машинам. Всего за несколько секунд до этого Джеймс предугадал заградительный огонь и подал Брайану сигнал. А потом они сменили курс. С этого мгновения они на какое-то время погрузились в полную неизвестность.

Оказались без прикрытия и совсем одни.

– Джеймс, если спуститься пониже, мы машину без хвоста оставим, – буркнул через двадцать минут Брайан.

– Если мы зависнем на двухстах футах, на фотографиях ни черта не будет видно, – прозвучал ответ.

Джеймс оказался прав. Над районом действий шел снег, но из-за ветра снежинки вихрями взмывали вверх. Если подойти поближе, дыры для фотографирования образуются всегда.

Поскольку они ушли из-под огня над Магдебургом, их местонахождение никого не интересовало. Судя по всему, их еще не обнаружили. Брайан был готов на все, чтобы этого не случилось.

Позади них уже упало много самолетов. Слишком много. Сквозь шум Джеймс крикнул Брайану, что видел немецкий истребитель – тот выпускал что-то похожее на ракеты. Вслед за короткой вспышкой последовал разрушительный взрыв.

– Да люфтваффе и гроша ломаного не стоит, – заявил накануне вечером американский летчик с широкой ухмылкой.

Наверное, теперь его личный опыт говорит об обратном.

– А теперь сто тридцать восемь градусов на юг! – Брайан осматривал лежавшее под ним снежное море. – Можно разглядеть шоссе из Хайденау. Перекресток видишь? Хорошо, теперь двигайся к холмам.

Скорость едва доходила до двухсот километров в час – при такой погоде весь фюзеляж зловеще гудел.

– Джеймс, надо пересечь шоссе и вернуться обратно. Но

аккуратно! Вполне возможно, что на юге есть крутые склоны. Видишь хоть что-нибудь? Кажется, тут удачное место – на отрезке до Гайзинга.

– Ничего – вижу только, что дорога довольно широкая. Зачем она нужна? Тут ведь совсем пусто.

– Я об этом тоже подумал. А нельзя сейчас на юг свернуть? Посмотри вон на те деревья! Видишь, какие густые?

– Думаешь, маскировочная сетка?

– Может быть.

Если здесь и строили заводы, то их зарыли в склоны. Брайан сомневался. Если такое здание обнаружат, от точечных бомбардировок земляная насыпь не защитит.

– Пустая затея, Джеймс. Тут нигде ни одного нового здания.

На такой случай указания у них следующие: идти на север вдоль железной дороги в Хайденау, свернуть на запад к Фрайталю и двигаться вдоль путей в сторону Хемница, взять курс на север, а затем на северо-восток по железнодорожной ветке, идущей в Вальдхайм. Железнодорожную сеть необходимо тщательно отснять. Об этом просили русские. Под Ленинградом советские войска теснили немцев как безумные, угрожая смять весь германский фронт. По их мнению, железнодорожный узел в районе Дрездена для немцев был сродни пуповине. Перережь ее, и немецкие дивизии Восточного фронта останутся без снабжения. Вопрос лишь в том, в скольких местах надо перерезать, чтобы добиться эффекта.

Брайан смотрел на лежащее под ним железнодорожное полотно.

На снимках, которые он сделал, не будет видно ничего, кроме занесенных снегом путей.

Первый взрыв – удивительной силы – раздался без предупреждения всего в полуметре за креслом Брайана. Не успел тот обернуться, Джеймс уже направил самолет вертикально вверх, набирая скорость. Брайан защелкнул карабин на сиденье и почувствовал, что наполнявший кабину теплый воздух из-под него буквально высасывает.

В фюзеляже образовалась неровная дыра размером с кулак. Выходное отверстие в крыше – с тарелку. Задел их единственный снаряд, выпущенный из мелкокалиберного зенитного орудия.

Значит, что-то они все-таки проглядели.

Из-за визга мотора во время резкого набора высоты у них не было возможности понять, продолжился ли обстрел.

– Там все серьезно? – крикнул Джеймс и, получив ответ, удовлетворенно кивнул. – Ну, понеслось!

В ту же самую секунду Джеймс, сделав мертвую петлю, слегка накренил машину и отправил ее в пике. Через несколько секунд защелкали авиапушки «Мустанга». Вырывавшиеся из жерла языки пламени неслись прямо на них и показывали дорогу.

В самом центре этого океана смертоносного огня было что-то, что немцы хотели любой ценой утаить от посторон-

них.

Джеймс раскачивал самолет из стороны в сторону, запутывая наблюдателей, а внизу бойцы у зениток пытались взять их на мушку. Зенитных установок они так и не увидели, но доносившиеся до них звуки никаких сомнений уже не оставляли. «Флак-цвиллинг-40» ни с чем не спутаешь.

Рядом с землей Джеймс рывком выпрямил самолет. Шанс у них всего один. Ширина всей территории не превышала двух-трех километров. А для управления камерой нужна легкая рука.

Под ними кружилась земля. Серые поля и белые вихри перемежались верхушками деревьев и крышами зданий. Территорию, над которой они проносились, окружали высокие заборы. Их встретили пулеметные очереди с нескольких смотровых вышек. В таких лагерях держали пленных рабочих. Трассирующие снаряды, вылетавшие из лесной чащи плотными очередями, вынудили Джеймса уйти еще ниже, к деревьям. Несколько очередей их авиапушек прошли между стволами деревьев – противнику пришлось прекратить огонь.

Затем Джеймс, срезая верхушки елок, повел самолет прямо над гигантской сероватой массой маскировочной сетки, стенами, вагонами и разложенными повсюду грузами. Брайану было что поснимать. Через несколько секунд они вновь ушли вверх, а затем в сторону.

– Получилось?

Брайан кивнул, хлопнул Джеймса по плечу и выразил искреннюю надежду на то, что их единственными противниками окажутся стоящие на земле зенитки.

Но это оказалось не так.

– Брайан, тут что-то не то! Выпрямись чуть-чуть, и ты тоже увидишь. Это же обшивка двигателя! Видишь?

Увидеть оказалось несложно. В воздухе торчал кусок обшивки. Не важно, почему этот треугольник оторвался – из-за пикирования, попадания снаряда или взрывной волны.

Ничего хорошего это в любом случае не предвещало.

– Брайан, нам придется очень сильно сбросить скорость. Ты же и сам это понимаешь? Надежды сейчас вернуться к нашей группе очень мало.

– Делай что считаешь нужным!

– Пойдем вдоль железной дороги. Если в воздух поднимутся истребители, они наверняка решат, что мы направляемся на запад. Ты же по сторонам поглядываешь?

Обратный путь займет целую вечность.

Ландшафт под ними постепенно выравнивался. В ясный день они постоянно видели бы линию горизонта. Если бы не непогода, их было бы слышно за несколько километров.

– Джеймс, как нам, черт побери, по-твоему, домой возвращаться? – тихо спросил Брайан.

Даже смотреть на карту необходимости не было. Шанс минимальный.

– Не своди глаз со своего маленького экранчика – больше

ты ничего не сделаешь, – прозвучал спереди ответ. – Думаю, обшивка провисит, пока мы идем в ритме марша.

– Значит, выберем самый короткий путь.

– На север от Хемница! Да, отлично, Брайан!

– Мы с ума посходили!

– Не мы! Так уж обстоятельства сложились.

Лежавшая под ними железнодорожная линия оказалась вовсе не второстепенным ответвлением. Рано или поздно появится поезд, перевозящий боеприпасы или войска. Мелкие, легко наводимые спаренные зенитные пушки или противовоздушные двадцатимиллиметровые «Флак-38» быстро с ними разберутся. А еще ведь есть мессершмитты. Их самолет для них добыча легкая. Вступил в ближний бой и сбил. Вот и весь рапорт.

Брайан подумывал предложить Джеймсу посадить машину самим, пока этого не сделал противник. Его философия отличалась простотой и практичностью. Лучше уж плен, чем смерть.

– Они нас заметили, – глухо произнес он, слегка потрепав Джеймса по плечу.

Никак не прокомментировав его слова, Джеймс начал снижаться.

– Вон там Наундорф. Двигайся на север!

Над собой Брайан разглядел лишь тень вражеского самолета:

– Вот! Вот он, Джеймс! Прямо над нами!

Приложив усилие, Джеймс увел самолет от земли.

Во время ускорения весь самолет жалобно вибрировал. От резкого набора высоты в отверстие за спиной Брайана из кабины вышел почти весь воздух. Еще до того, как Брайан разглядел их цель, загремели авиапушки Джеймса. Выпущенная прямо в брюхо очередь сразу же уничтожила мессершмитт. Прогремел смертоносный взрыв.

Пилот даже не осознал, что с ним произошло.

Раздалось несколько взрывов – Брайан не смог определить, где именно, – и внезапно они оказались в горизонтальном положении. Брайан рассматривал затылок Джеймса, как будто ждал от него какой-то особенной команды. Судя по шуму из-за потрескавшегося лобового стекла, во время резкого набора высоты тот треугольный кусок обшивки все-таки оторвался. Джеймс слегка помотал головой, не произнеся ни слова.

Затем он рухнул вперед, отвернув голову в сторону.

Нарастал шум двигателя. Все соединения били в такт, по мере того как корпус скользил по воздуху. Брайан вылез из-под ремня, схватил Джеймса, взял штурвал и с силой потянул его на безжизненное тело.

По щеке Джеймса потекли струйки крови – нашлась и причина. Над и перед ухом открылись две длинные, но не слишком глубокие раны. Прямо по его виску скользнул кусочек металла, срезав большую часть мочки уха.

Внезапно еще один кусок обшивки с грохотом оторвался и перекатился через левое крыло. Судя по скрипу, он был не последним. Поэтому Брайану пришлось принять решение за двоих, и он стал вытаскивать Джеймса.

Обшивку кабины буквально сорвало, и Брайана вытолкнуло из сиденья. На воющем ледяном ветру он взял Джеймса под мышки и вытащил на крыло. В тот же самый миг машина под ними исчезла. Оказавшись в воздухе, Брайан отпустил Джеймса – тот безвольно рухнул вниз. У Брайана еще ныли руки после сильного рывка за кольцо его парашюта. Секунду руки Джеймса болтались, как у тряпичной куклы. Затем его парашют раскрылся быстрым рывком. Из-за болтающихся рук он напоминал оперившегося птенца, делающего первые взмахи крыльев на ветру.

Закоченевшими руками Брайан дернул кольцо своего парашюта. Над головой у него раздался хлопок, и в то же мгновение снизу загремели выстрелы, посылая сквозь снежную мглу слабые предательские вспышки света.

Накренившись, машина рухнула далеко позади. Тем, кто пойдет их искать, придется потрудиться. А пока Брайану предстоит не выпускать Джеймса – маленький серый барахтающийся шарик – из поля зрения.

У Брайана приземление вышло довольно суровым. На морозе твердые борозды казались бетонными канавами. Пока он лежал и стонал, ветер снова наполнил парашют и поволок

его по земле – летный костюм порвался. Снег превратил свежие царапины в лед еще до того, как он почувствовал боль.

Брайан видел, как приземлялся Джеймс. С виду посадка была жесткой, – казалось, он переломал всю нижнюю половину тела.

Вопреки всем предписаниям, Брайан отпустил парашют и поковылял по бороздам. Заборные столбы отмечали границы прежних загонов. Лошадей там не было – их давным-давно забили. Парашют Джеймса зацепился за столб, оказавшись между корой и древесиной. Брайан осмотрелся. Вокруг – тишина. В грудах кружащегося свежего снега он схватил обеими руками пляшущую парашютную ткань и аккуратно двинулся к Джеймсу вдоль строп и швов на ткани.

Чтобы тот перекатился на бок, понадобилось три тычка. С молнией пришлось повозиться. Ледяные подушечки пальцев Джеймса зарылись под грубую одежду. Обнаруженное тепло буквально причиняло боль.

Брайан задержал дыхание, пока не нащупал слабый пульс.

Когда унялся ветер, улеглась и метель. Пока было тихо.

Джеймс слабо задышал, когда Брайан тащил его к лесной чаще, под прозрачные кроны деревьев. То, что оставили в наследство поколения бурь, валялось у стволов, даря надежду на кров и защиту. «Раз вокруг столько никому не нужного топлива, жилья поблизости нет», – вполголоса сказал себе Брайан.

– Что ты говоришь? – послышалось от тела, безвольно давшего тащить себя по снежному ковру.

Упавший Брайан осторожно положил голову Джеймса себе на колени:

– Джеймс! Что такое?

– А что-то случилось?

Джеймс еще не совсем открыл глаза. Он посмотрел на Брайана, но взгляд его заметался. Затем Джеймс повернул голову в сторону черно-белого пейзажа:

– Где мы?

– Мы упали. Ты тяжело ранен?

– Не знаю!

– Ноги чувствуешь?

– Как две ледышки.

– Чувствуешь, Джеймс?

– Черт побери, да, я же сказал: как две ледышки! Ну и в какой богом забытой дыре ты меня посадил?

Глава 2

Коварное утреннее небо. Яркие звезды. Даже небосвод, казалось, таил в себе угрозу.

Им было видно все на расстоянии нескольких миль, но вот что еще хуже – их тоже могли заметить.

В середине поля – настолько огромного, что урожай с него прокормит целую деревню, – лежали обрывки парашюта Джеймса. Четкие, темные следы – груз тащили волоком – вели прямо к чаще, где они прятались. Из-за этого Брайан начал переживать, хоть теперь он знал, что Джеймс пострадал меньше, чем мог бы. На морозе кровь из уха давно унялась. Из-за холода лицо и шея опухли не так сильно. Им безумно повезло.

А теперь, судя по всему, удача от них отвернулась.

От мороза уголки рта потрескались, и холод постепенно все глубже проникал в тело. Чтобы выжить, им придется найти укрытие.

Джеймс прислушивался, не летит ли самолет. Вид поля с воздуха ясно расскажет о происшедших событиях. Пролетит самолет, и тут же появятся ищейки.

– Когда подберем парашюты, думаю, разумно двинуть вон к той впадине. – Джеймс показал на север, в сторону темно-серых полей, а затем обернулся. – А если пойти на юг – как думаешь, далеко до ближайшей деревни?

– Если мы и правда там, где я думаю, то мы придем прямо в Наундорф. Кажется, он всего в паре километров. Но я не уверен.

– Значит, железная дорога к югу от нас?

– Да, если я не ошибаюсь. Но это не точно.

Брайан еще раз огляделся. Никаких ориентиров.

– Думаю, надо поступить так, как ты предлагаешь, – сказал он.

У первых рядов деревьев, защищающих поле от ветра, намело сугробы, из-за чего заметить их было чуть сложнее. Несколько минут они шли вдоль них, пока не обнаружили дыру. Джеймс жадно хватал ртом воздух. Брайан через дыру выбрасывал в канаву парашют, в то время как Джеймс, скрестив руки, крепко прижимал их к груди, напрасно борясь с холодом. Брайан собирался спросить, как он себя чувствует, но оба инстинктивно замерли и прислушались. У них за спиной показался самолет – его крылья слегка подрагивали, пока он парил над чащей, где они только что прятались. Оба мигом распластались на земле. Развернувшись над полем, самолет полетел на юг и вскоре скрылся за деревья. Какое-то время машина гудела все ниже, как будто исчезала. Джеймс приподнял лицо ровно настолько, чтобы дышать.

Услышав свист, оба тут же обернулись. Над деревьями мелкими темными пятнами висели облака – в одном из них вновь показался самолет. На этот раз он шел прямо на них.

Джеймс закрыл собой Брайана – того вдавило в сугроб.

– Я же замерзну, к чертям! – вздохнув, пробубнил Брайан.

Лицо у него было все в снегу. Он попытался улыбнуться.

Джеймс скривился, бросив взгляд на его спину и увидев порванный сзади летный костюм и комки снега, – от тепла его тела они медленно таяли, и по пояснице и бедрам текла вода.

– Будем надеяться, какое-то время так и будет. – Он откинул голову назад. – Если он нас заметил, скоро тебе жарковато станет!

В то же мгновение машина, прогудев над ними, скрылась.

– А это что за фрукт? – спросил Брайан, пытаясь счистить со спины снег. – Ты разглядел?

– Может быть, юнкерс. С виду хлипкий. Думаешь, он нас заметил?

– Тогда нас бы уже на свете не было. А вот следы наши он точно видел!

Ухватившись за руку Джеймса, Брайан встал. Оба знали, что скоро все кончится, – это лишь вопрос времени. Если они доберутся до деревни, может быть, появится шанс. Есть надежда, что деревенские поймут, что драться они не намерены. Это если самолет или какой-нибудь патрульный отряд – а их уже, несомненно, выслали на поиски – не обнаружит их первым.

Вот тогда у них не останется ни единого шанса.

Вот и всё.

Долгое время они бежали не останавливаясь. Двигались

неуклюже. В теле отдавался каждый удар сапог о промерзшую землю. Джеймсу, судя по всему, было худо, и он весь побелел.

Далеко позади что-то тихо загудело. Они переглянулись. Впереди раздался еще какой-то звук, но уже другой. Скорее всего, грузовой состав.

– Ты вроде говорил, что железная дорога к югу от нас? – вздохнул Джеймс и снова прижал ледяные руки к груди.

– Черт возьми, Джеймс! Я же сказал, что не уверен!

– Штурман из тебя так себе!

– Так надо было мне карту разглядывать, а не тебя из той дурацкой американской консервной банки вытаскивать?

Джеймс не ответил. Положив руку Брайану на плечо, он указал на дно сероватой впадины, тянувшейся в обе стороны, откуда, несомненно, доносилось пыхтение парового котла локомотива.

– Наверное, сейчас ты лучше понимаешь, где мы?

Брайан кивнул, и Джеймс успокоился. Теперь они понимали, где находятся. Вопрос в том, принесет ли им это пользу. Они присели на корточки позади кустарника с серыми мертвыми ветвями. Рельсы на белом снегу казались тонкими черточками. До железнодорожного полотна было шестьсот-семьсот метров открытого пространства.

Значит, все это время они находились к югу от железной дороги.

– Всё нормально? – Брайан осторожно потянул Джеймса

за меховой воротник, и тот повернулся в его сторону.

Из-за бледности четче проступили линии черепа. Пожав плечами, Джеймс опять повернулся к путям. Медленно рассветало, тени во впадине постепенно зашевелились и обрели ясность очертаний. Великолепное и пугающее зрелище. Мелкие порывы ветра донесли до них звук огромного поезда. Мимо проходил вагон за вагоном – словно роковая линия жизни между фронтом и родиной. Пыхтящие бронированные локомотивы, бесконечные грузовые вагоны, вооруженные пушками, орудия, прячущиеся за мешками с песком, и серовато-коричневые закрытые вагоны для войск – оттуда из-за опущенных занавесок не проникало ни единого лучика света.

Когда этот поезд прошел, звуки оповестили о приближении еще одного. Поезда шли каждые несколько минут. За это короткое время – под весом скрюченного тела у них уже затекли колени – мимо проехали, наверное, тысячи людей. Уставшие раненые бойцы – на запад; робкие, молчаливые резервы – на восток. Сбрасывайте на эти пути несколько бомб каждый день – и в адском котле Восточного фронта русские получают передышку, да и вообще им станет легче.

Что-то дернуло Брайана за рукав. Предостерегающе подняв руку, Джеймс молча прислушивался. Теперь это услышал и Брайан. Звуки доносились сзади с обеих сторон.

– Собаки?

Брайан кивнул:

– Но только в одной группе, разве нет?

Джеймс опустил воротник и слегка его расправил.

– Вторая группа – моторизованная. Такое жужжание мы уже слышали. Наверное, они с мотоциклов сошли там, где мы через канавы переходили.

– Видишь их?

– Нет, но это может в одну секунду измениться.

– И что нам делать?

– Да что тут, черт возьми, сделаешь? – Джеймс снова сел на корточки и стал покачиваться. – Мы оставили следы, и по ним нас даже слепой найдет.

– Значит, сдаемся?

– А мы вообще знаем, как они поступают со сбитыми летчиками?

– Ты на мой вопрос не ответил. Мы сдаемся?

– Надо на открытую местность выйти. Иначе они могут решить, что мы что-то задумали.

Спускаясь по склону вслед за Джеймсом, Брайан ощутил на себе коварные порывы ветра. Защищало щеки.

Сделав несколько шагов, они оказались на открытой местности. Там они в нерешительности встали лицом к преследователям, подняв руки вверх.

Сначала ничего не происходило. Голоса смолкли. Все замерло. Джеймс прошептал, что солдаты, должно быть, прошли сзади, и слегка опустил руки.

В то же мгновение началась стрельба.

Здесь им пришла на помощь мутная, сероватая зимняя мгла. Бросившись на землю, оба бок о бок распластались на животе, непонимающе глядя друг на друга. Их не ранило.

Брайан тут же пополз на животе к железной дороге. Он постоянно оглядывался назад на Джеймса – тот, опираясь на колени и локти, с диким взглядом тащился по кочкам и промерзшим веткам. Вскрылась рана возле уха, и при каждом шаге с взлетающим в воздух снегом смешивались мелкие красные капли.

Сухо прострекотало несколько кратких очередей, рассекая воздух над ними широкими волнами. Стрелявшие солдаты кричали.

– Они только что собак спустили, – вздохнул Джеймс и схватил Брайана за лодыжку. – Бежать готов?

– Куда, Джеймс?

Ни с того ни с сего по диафрагме Джеймса покатилась теплая волна и сжала его внутренности, в панике пытаясь защититься.

– Через железную дорогу. Сейчас на путях поезда нет.

Брайан поднял голову и посмотрел на широкую, предательски открытую местность. А потом-то что?

Именно в тот момент, когда смолкла долгая очередь выстрелов, Джеймс вскочил и вцепился в Брайана. Склон оказался крутым. Нестись вниз в сапогах, плохо приспособленных к бегу, – смертельно опасная затея, да еще и заочечневшие, насквозь промерзшие ноги не чувствовали неровностей

рельефа. Над их головами просвистели снаряды.

Через двести метров начался более ровный отрезок – там Брайан быстро оглянулся. Джеймс бежал за ним: у него словно окоченели все части тела, пальцы растопырены, голова откинута назад. За его спиной солдаты перевалили через холм и съезжали на спине по первому крутому участку склона.

Солдат это слегка задержало, а потому выстрелы на несколько драгоценных секунд утихли. Когда стрельба возобновилась, прицелиться им не удалось. Наверное, гады уже утомились! А может, решили доверить остальную работу собакам.

Гибкие, худые, лающие, дрессированные машины смерти, освободившись от привязи, стремительно сорвались с места.

Когда Брайан добежал до нижней точки склона, в бледном утреннем свете он хорошо все видел в обе стороны.

Перед ним с обеих сторон шли два состава: им отрезало путь к возможности скрыться за деревьями вокруг поля, по другую сторону железнодорожного полотна. Услышав мощный грохот, Брайан вздрогнул. Джеймсу удалось на бегу вытащить револьвер «энфилд». Судя по барахтающемуся в снегу черному пятну, Джеймс ранил набросившуюся на него собаку.

Остальные три собаки инстинктивно шли по следу за двумя мужчинами и изготавились прыгнуть прямо на спину Джеймсу.

Кровожадная овчарка даже вырвалась из рук хозяина:

между лапами болталась цепь, из-за чего она двигалась чуть медленнее двух доберманов.

Затем вокруг Брайана и Джеймса вновь взметнулся вихрями снег. Их вот-вот достанут редкие очереди выстрелов.

Джеймс снова выстрелил. Брайан открыл кобуру и взялся за рукоятку револьвера. Потом шагнул в сторону и прицелился – мимо него пронесся Джеймс.

На одну роковую секунду раненная Джеймсом собака отвлеклась на Брайана и схватила зубами воздух как раз в то мгновение, когда прозвучал выстрел. Перекувыркнувшись несколько раз, животное замерло. Остальные псы, не медля ни секунды, бросились Брайану на грудь и руки – как их учили. Брайан дал им себя повалить и выстрелил в одну, когда она бросилась на него сверху, однако серьезно ее не ранил.

Овчарку у его левой руки он сильно ударил по голове рукояткой – она упала рядом замертво. Затем встал – и тут же оказался перед первой, уже мчавшейся ему навстречу.

Вцепившись в руку, собака начала трясти свою жертву. Пока она жива, хватку не разожмет. Получив от Брайана мощный пинок, псина взлетела в воздух, – таким образом, он смог вывернуть руку и одновременно выстрелить из револьвера. В то мгновение, когда тело собаки рухнуло на землю, он поскользнулся и потерял револьвер. Тут снова затарахтели пистолеты-пулеметы. Теперь солдаты уже не боялись задеть своих собак: их тела лежали на снегу.

Джеймс оказался на полсотни метров впереди. Он бежал сутулясь, на плечах болталась кожаная куртка. Всякий раз, ставя ногу на землю, он содрогался всем телом.

На востоке впадины, на несколько сотен метров глубже, появился еще один патруль. Неясно, куда он направлялся, но он не оставил Брайану и Джеймсу иного выбора, кроме как бежать прямо к железной дороге и двум поездам, которые вот-вот перекроют путь вперед.

Пытаясь догнать Джеймса, Брайан запыхался, голова у него болталась из стороны в сторону. На ум пришла безумная мысль. Если в них попадут – теперь это, судя по всему, неизбежно, – гораздо лучше умереть плечом к плечу.

Быстрее возле них оказался поезд, шедший с востока по ближайшим рельсам.

Локомотивная бригада бездействовала, разглядывая патрули, догонявшие поезд сзади и сбоку. По белой, голой местности мимо них прогрохотало абсурдное зрелище – коричневые деревянные вагоны с красным крестом. В окна не выглянуло ни одно лицо.

По вторым путям на восток, фыркая, шли два сцепленных бронированных локомотива, таща за собой серо-зеленую ленту вагонов, – вскоре они скрылись за локомотивом санитарного поезда. Солдаты, сидевшие на крышах последних вагонов бронированного поезда, заметили беглецов и зашевелились, но не могли прицелиться под углом, опасаясь

задеть санитарный поезд.

Сделав широкий шаг, Брайан наступил туда, где только что была нога Джеймса. Тот запыхался, в его дыхании слышался свист. Придержав шаг, Брайан обернулся.

В тот момент, когда Джеймс добежал до поезда, мимо проходили два вагона. Он приостановился, протянул руку и схватился за нижние поручни. Рванувшись, он вцепился в металлические перила так низко, что закинуть ногу даже на нижнюю ступеньку своими силами не мог. На вспотевшей ладони моментально образовался лед. Когда он уже почти потерял равновесие и чуть было не упал под оси вагона, возле него оказался Брайан и попытался удержать.

Благодаря толчку Джеймс дотянулся до ближайшей ступеньки. Секунду он махал рукой в воздухе, словно ветряная мельница, чтобы не потерять равновесие, – бежал он неуклюже, боком. В суматохе он выпустил из рук «энфилд» – тот перелетел вагон, описав широкую дугу. Затем он споткнулся, и какое-то время его волокло по шпалам – держался он примерзшей рукой. Каждый раз, когда шпалы бились об его голень, он оказывался в опасной близости от колес. Сделав неловкий рывок и напрягаясь изо всех сил, он вскинул ногу и вновь забрался наверх. Брайан торопливо сделал еще пару шагов и вскочил в вагон, совсем недолго подержавшись за перила, – примерз и оторвался лишь небольшой лоскуток кожи.

– Держусь! – крикнул Джеймс.

И тут же подтянулся наверх – его чуть было не впечатало боком в металлические ступени.

Позади наискосок от них показался передовой отряд первого патруля – люди с посиневшими лицами, слишком утомившиеся, чтобы идти ровно в легком снежном вихре. Один солдат попытался ухватиться за лестницу, ведущую на крышу вагона. Торопливо сделав несколько шагов на кончиках пальцев, в итоге он споткнулся и перекувыркнулся через шпалы.

Вскоре он затих.

В тот момент мимо них прошел бронированный поезд, а санитарный все набирал скорость.

И лишь тогда преследователи остановились.

Глава 3

К югу от несущегося поезда на холмах всплывали бледные пляшущие силуэты деревьев.

Дыхание у Джеймса постепенно выравнилось, и он хлопнул друга по спине:

– Брайан, сядь прямо! Воспаление легких схватишь!

У обоих стучали зубы.

– Снаружи нам оставаться нельзя, – сказал Брайан, растянувшийся на обледеневшей платформе.

На небольшом повороте поезд слегка накренился, ненадолго открывая вид на путь вперед.

– Если останемся здесь, замерзнем насмерть, ну или нас пристрелят, когда будем станцию проезжать. Спрыгивать надо, и побыстрее.

Тупо уставившись в одну точку перед собой, Брайан слушал, как под ними все чаще гремят стыки рельсов.

– Черт бы все это побрал, – тихо добавил он.

– С тобой все нормально? – На Брайана Джеймс не смотрел. – Встать можешь?

– Не думаю, что мне досталось сильнее, чем тебе. Хорошо хоть мы в санитарном поезде оказались. У нас тут больничные койки прямо за дверью.

Ни один из них не засмеялся. Протянув ладонь к дверной ручке, Джеймс слегка покрутил ее кончиками пальцев. За-

перто.

Брайан пожал плечами. Безумная была мысль.

– Как только мы дверь откроем, нас тут же пристрелят. Кто его знает, что там за ней?

Джеймс все понял. Красный крест на немецкой технике всерьез уже никто не воспринимал. Символом милосердия долгое время злоупотребляли. Подобный транспорт истребители союзников больше не жалели, и им это было хорошо известно.

И пусть даже это правда санитарный поезд – дальше-то что? Понятное дело, пилотов союзников немцы ненавидели. У него у самого были причины ненавидеть служащих в люфтваффе. У всех на совести накопилось слишком много всего, чтобы в душе нашлось место милосердию. У всех, кто участвовал в этой безумной войне.

Встретившись взглядом с Джеймсом, Брайан кивнул. В глазах светилась лишь грусть.

Не могла же удача сопутствовать им бесконечно.

Поезд пронесся по железнодорожному переезду. В пятидесяти метрах от дороги в полутьме возле будки стояла охранявшая шлагбаум пожилая женщина.

Джеймс осторожно высунул голову и заглянул вперед. Еще не до конца рассвело. Вокруг тишина. Ничто не подскажет, что ждет их на следующем повороте – или через поворот.

В вагоне что-то зашуршало. В свои права вступило утро.

Наверное, медсестры к работе приступили. Сзади щелкнул засов на двери, разделявшей два вагона.

Почувствовав секундное слабое прикосновение к воротничку, Джеймс поднял глаза. Брайан отошел за дверь и сделал знак Джеймсу подойти.

Через секунду дверная ручка дернулась. Высунул голову совсем молодой человек: сделав глубокий вдох, он удовлетворенно выдохнул. К счастью, ветер дул с севера, поэтому санитар прошелся по платформе и встал к ним спиной, а потом расстегнул ширинку.

Джеймса начало трясти; Брайан положил ладонь на его рукав, но Джеймс отдернул руку и перенес вес на более удобную ногу. Санитар присел на корточки, пернул и с облегченным видом стряхнул последние капли мочи.

Со стороны Брайану показалось, что, когда санитар обернулся, Джеймс рванулся вперед. Безжалостный удар пришелся на онемевшее лицо немца, и тот рухнул назад. О смерти медбрата сообщили глухой звук и то, как резко тело сменило направление движения: оно ударилось о ствол вяза, в одиночестве возвышавшегося на склоне, мимо которого они проезжали. Упав с поезда, тело исчезло где-то в заиндевевших кустах.

Пока что его не найдут.

Брайан пришел в ужас. Раньше они никогда не сталкивались со смертью лицом к лицу, хоть и часто становились ее причиной. Джеймс прислонился к трясущейся торцевой сте-

не.

– Брайан, я больше ничего не мог поделать! Либо он, либо мы!

Прижавшись лбом к его щеке, Брайан вздохнул:

– Джеймс, теперь сдать будет трудно.

Им представился идеальный шанс сдать. Юный санитар, совсем один, безоружный. Теперь сожалеть уже поздно. Что сделано, то сделано. Под ними проносились шпалы, а удары по рельсам стучали все чаще.

Если они сейчас спрыгнут, то разобьются.

Джеймс повернул голову и приложил ухо к двери. Тишина. Памятуя о собственном горьком опыте, он два раза протер ладонь о штаны, осторожно взялся за ручку хлопающей двери, приложил палец к губам и просунул лицо в приоткрытую дверь.

Потом подал Брайану знак идти за ним.

В вагоне было темно. За перегородкой оказался проход в более просторное помещение, откуда выбивались тихие звуки и слабый свет. Под самым потолком висели битком забитые полки с кувшинами, бутылками, тубиками и картонными коробками всевозможных размеров. В углу стояла скамья. Эта каморка – владения санитаря, дежурившего в ночную смену.

Парнишки, чью жизнь они только что оборвали.

Джеймс очень аккуратно расстегнул куртку и подал Брай-

ану знак точно так же поступить со своим летным костюмом.

Вскоре оба остались в одних рубашках с рванными рукавами и кальсонах. Остальную одежду Джеймс выбросил с той платформы, откуда они только что ушли.

Они понадеялись, что, если их увидят в подобном обмундировании, сразу стрелять не станут.

Заглянув за перегородку, они остановились. Десятки солдат лежали на узких стальных койках и набивных матрасах в серую полосу, разложенных впритык друг к другу на полу. К противоположному концу вела узкая полоска голых досок. Пройти они могли только здесь. К ним повернулись несколько ничего не выражающих, безразличных сонных лиц. На многих еще была форма. Рядовых – никого.

Едкая вонь мочи и экскрементов смешивалась со слабым сладковатым запахом камфары и хлороформа. Большинство тяжелораненых хрипели с приоткрытым ртом. Но никто не жаловался.

Медленно и спокойно проходя мимо, Джеймс кивал тем, в ком еще теплилась жизнь. Нестираные тонкие простыни – вот и все, что служило им защитой от холода.

Один потянул руку к Брайану, попытавшемуся улыбнуться в ответ. Джеймс едва не споткнулся о торчащую ногу. Он прижал руку ко рту, чтобы не вскрикнуть от удивления, и посмотрел на военного. Встретил его холодный, неподвижный взгляд. Судя по всему, офицер пролежал на полу мертвым всю ночь. Он до сих пор сжимал в руке повязку.

Бинт был чистым, а вот вдоль матраса виднелись ручейки засохшей крови, которая наверняка потекла из бедняги резко и очень сильной струей.

Джеймс быстрым движением сорвал с покойника бинт и приложил рулончик к раненой мочке уха, снова начавшей кровоточить. Тут в том конце поезда, откуда они пришли, послышались грохот и звон.

– Идем! – прошептал Джеймс.

– А может, лучше на месте остаться? – спросил Брайан, когда они стояли в проходе.

Большую часть пола покрывали использованные перевязочные материалы, из-за чего воздух был спертым.

– Брайан, у тебя что, глаз нет?

– Ты про что?

– У офицеров в вагоне нашивки СС! У всех! Как думаешь, что будет, если первыми нас найдут солдаты СС, а не санитары?

Он грустно улыбнулся Брайану. Затем губы сомкнулись, а взгляд затвердел.

– Обещаю, что вытащу нас отсюда, Брайан, но решения принимать буду я!

Брайан молчал.

– Договорились? – Во взгляде Джеймса появилась настойчивость.

– Договорились! – Брайан попытался улыбнуться.

У его ног зазвенело ведро с хромированными инструмен-

тами. По бокам стекала непонятная темная жидкость. Все говорило о том, что основная задача этого транспорта – доставить сыновей Германии домой, однако не на немецкую землю, а в нее.

Если это обычный санитарный поезд, то Восточный фронт, должно быть, ад на земле.

Следующий вагон оказался не таким темным. Несколько лампочек освещали два ряда кроватей, стоящих вплотную друг к другу вдоль стен.

За одной из кроватей Джеймс остановился и повертел медкарту. Затем кивнул пациенту, не подозревавшему, что возле него вообще кто-то был, и пошел к следующей. При виде карты он замер. Осторожно подойдя к нему, Брайан кивнул на карточку и шепнул:

– Что там написано?

– Написано следующее: Шварц Зигфрид Антон. Родился десятого ноября тысяча девятьсот седьмого года, гаупт-штурмфюрер.

Джеймс уронил карту и посмотрел ему прямо в глаза:

– Они все офицеры СС! И в этом вагоне тоже.

Один из лежавших неподалеку умер уже давно. Находчивый санитар закрепил раненую руку на штатив, чтобы ее не тревожила тряска в вагоне. Посмотрев в подмышку мертвеца, Джеймс вцепился в Брайана. Из вагона, откуда они только что ушли, раздался крик – вздрогнул мужчина, чью карту

они рассматривали. Он смотрел на них, а в уголках рта пузырилась слюна.

Чуть дальше впереди вагоны соединялись черно-коричневым полотном, сложенным в гармошку, и им стало понятно, что следующий вагон другой. Доносившиеся от рельсов звуки гасли. Дверные ручки – из латуни. Дверь открылась без скрипа.

Тут перегородки не было. Немногочисленные желтые лампы освещали десяток кроватей, стоящих параллельно друг другу настолько плотно, что между ними вряд ли протиснется медперсонал. Над изголовьями висели стеклянные бутылки с продлевающими жизнь жидкостями, тихонько позвякивая о стальные штативы. Больше в этом вагоне не раздавалось ни звука. А вот из следующего ясно слышались голоса.

Джеймс протиснулся между первыми кроватями и склонился над ближайшим пациентом. На мгновение он остановился, рассматривая грудную клетку больного, – та почти незаметно вздымалась и опускалась. Затем молча обернулся и приложил ухо к области сердца лежащего рядом.

– Черт побери, Джеймс, ты что творишь? – возмутился Брайан, стараясь говорить как можно тише.

– Найди покойника, и побыстрее! – ответил Джеймс, даже не посмотрев на него, и двинулся дальше – слушать следующего.

– Ты что задумал – в койки укладываться? – Брайан в свое

дикое предположение ни на секунду не поверил.

Джеймс на секунду выпрямился, и его взгляд уничтожил все основания для сомнений. «А ты как думал?» – вот и все, о чем говорили его глаза.

– Джеймс, они же нас укокошат! Если не за санитаря, то за это.

– Брайан, заткнись. Они нас в любом случае укокошат, не важно за что. Уж будь уверен!

Джеймс резко выпрямился от следующей койки и подтолкнул тело вперед. Потом стащил с мужчины рубашку через голову – тот упал на спину, сильно ударившись об изголовье, а руки, тяжело рухнув, повисли по бокам койки.

– Помоги мне, – скомандовал он, вытаскивая иглу из руки покойника и срывая с него одеяло.

Почувствовав запах разложения, Брайан стал хватать ртом воздух.

Затем Джеймс подтолкнул тело вперед, и Брайану пришлось за него схватиться. У покойника была тонкая, покрытая синяками кожа – прохладная, но не совсем остывшая. Из-за рвотных позывов Брайан задержал дыхание и отвернулся в сторону. Джеймс в это время открывал задвижки ближайшего окна, даже костяшки пальцев у него побелели.

От морозного воздуха из приоткрытого окна у Брайана закружилась голова, и он едва не упал. Джеймс выдернул тело из объятий Брайана, приподнял левую руку покойника, бросив взгляд сначала под нее, а затем на лицо солдата. Он был

не сильно старше их.

– Брайан, помоги мне!

Когда Джеймс взял покойника под мышки, руки у того криво встопорщились. Брайан схватился за ступни и толкнул. Затем Джеймс посильнее наклонился назад и перекинул тело через себя. Тут он сделал глубокий вдох и изо всех сил толкнул военного вверх, чтобы затылок на секунду оказался на узком металлическом краю оконной рамы. Лишь когда Брайан отпустил тело и оно, безвольно барахтаясь, провалилось сквозь тонкий лед дренажного канала – в болотистой местности он пересекался с железнодорожными путями, – он в полной мере осознал правду.

С этого момента пути назад нет.

Джеймс метнулся к другой стороне кровати и пощупал пульс соседа. Затем повторил те же действия и наклонил мужчину вперед.

Не произнеся ни слова, Брайан взял тело и сбросил на пол одеяло. На этом мужчине повязок тоже не было, но он оказался чуть ниже и крепче, чем предыдущий.

– Он же еще живой, – запротестовал Брайан и прижал теплое тело к себе, а Джеймс тем временем отвел руку пациента назад и стал рассматривать подмышку.

– Группа крови – вторая положительная. Запомни, Брайан!

О работе татуировщика сообщили два бледных пятна в подмышке.

– Джеймс, что это значит?

– Что ты больше на него похож, поэтому с этого момента группа крови у тебя вторая положительная. У моего тоже такая была. У всех солдат СС на левой подмышке вытатуирована группа крови, а у большинства на правой есть символ СС.

Брайан замер:

– Ты с ума сошел! Нас ведь сразу раскроют!

Джеймс не отреагировал. Он взял карты пациентов с обеих коек и по очереди просмотрел их.

– Тебя зовут Арно фон дер Лейен, и ты оберфюрер. А меня – Герхарт Пойкерт. Запоминай!

Брайан с недоверием смотрел на Джеймса.

– Оберфюрер. Да, ты все правильно расслышал! – Лицо у Джеймса было серьезным. – А я штандартенфюрер! Высоко мы забрались, Брайан!

Раздевшись, они избавились от одежды тем же способом, что и от двух солдат. Через несколько секунд шум ветра от близлежащего дома дал им понять, что они миновали переезд.

– Снимай. – Джеймс указал на жетон Брайана, провисевший у него на груди больше четырех лет.

Брайан заколебался. Резким движением Джеймс сорвал с него жетон. Когда Джеймс швырнул жетоны в пустоту и закрыл окно, у Брайана засосало в животе.

– А как же платок Джилл? – Брайан показал на лоскуток

с вышитым сердечком, всегда висевший на шее у Джеймса.

На это Джеймс отвечать не стал и натянул через голову больничную рубашку, снятую с покойника.

Не меняя выражения лица, Джеймс перекинул ногу через испражнения покойного и улегся на койку. Сделав глубокий вдох, он взял себя в руки, несколько секунд таращился на потолок и зашептал, не поворачивая головы:

– Ну ладно, пока все хорошо. Значит, будем лежать здесь. Никто не знает, кто мы такие, а мы рассказывать не станем. Помни: что бы ни случилось – молчи! Если хоть раз облажаешься, нам обоим крышка.

– Это, черт возьми, можно было и не говорить.

Брайан недовольно посмотрел на покрытую пятнами простыню. Когда он ложился, она казалась влажной.

– Мне больше интересно, как ты себе другое представляешь: что скажут медсестры, когда нас увидят. Мы их не обдурим, Джеймс!

– Если будешь держать язык за зубами и делать вид, что ты без сознания, они ничего не заметят, будь уверен. В этом поезде наверняка больше тысячи раненых!

– Мне кажется, здесь какие-то особые...

Услышав металлический лязг из соседнего вагона, оба замерли и закрыли глаза. Раздались шаги – кто-то прошел мимо них в соседний вагон. Сквозь сомкнутые ресницы Брайан мельком разглядел форму – затем фигура исчезла.

– Джеймс, а иголки? – тихо спросил Брайан.

Джеймс бросил взгляд через плечо. Рядом с его кроватью болтался резиновый шланг.

– Воткнуть это себе в руку ты меня не заставишь.

От выражения лица Джеймса по спине у него пробежал холодок.

Джеймс бесшумно выбрался из койки и схватил Брайана за руку. Брайан вытаращил глаза.

– Ты этого не сделаешь! – с ужасом зашипел он. – Мы понятия не имеем, что было с теми парнями. Мы сами заболели!

По тяжелому дыханию Брайана Джеймс понял, что теперь рассуждения на эту тему уже излишни. Брайан недоверчиво пялился на иглу, глубоко вошедшую в локтевой сгиб. Резиновый шланг все крутился, а Джеймс вновь плюхнулся на место покойного соседа.

– Брайан, не надо бояться. Мы не умрем от того, что было у тех парней.

– Откуда ты знаешь? Они ведь были не ранены. Может, у них какие-нибудь кошмарные болезни.

– Ты скорее на казнь пойдешь, чем этим шансом воспользуешься?

Джеймс посмотрел на свою руку и взялся за иголку. Отвернув голову, он воткнул иглу куда попало – в глазах потемнело.

В ту же секунду распахнулась дверь в задней части вагона. Брайан почувствовал, как предательски громко и сильно

застучало его сердце, когда топот шагов смешался с голосами. Он ничего не понимал. Для него слова были лишь звуками.

И тут веселые деньки в Кембридже возникли у него перед глазами с необычайной ясностью.

В те времена Джеймс был слишком занят немецким – своей специальностью, – чтобы участвовать в общих проделках. А теперь он лежал рядом, пожиная плоды труда, и понимал, что говорят вокруг. Брайана терзали угрызения совести. Если бы он мог, он бы все свои свидания, заигрывания и прочие развлечения променял на возможность понять хоть что-нибудь.

От беспомощности Брайан решился чуть приоткрыть глаза. Несколько человек стояли поодаль возле койки, склонившись над медкартой.

Затем медсестра накрыла простыней голову лежавшего, а остальные пошли дальше. Выступивший у Брайана на волосах холодный липкий пот медленно потек вниз.

Полногрудая пожилая женщина – видимо, главная – шла первой, бросая изучающие взгляды в койки и задевая их металлические края. При виде уха Джеймса она остановилась и протиснулась между их койками.

Пробормотав пару слов, она склонилась ниже, будто собираясь Джеймса проглотить.

Снова выпрямившись, она обернулась и бросила взгляд на Брайана – тот как раз успел закрыть глаза. «Господи, пусть

она пройдет мимо», – подумал он и пообещал себе больше не проявлять подобную неосторожность.

Стук каблуков растворился за его спиной. Смотрел он исподлобья, едва приподняв веки. Джеймс лежал на боку совершенно неподвижно, повернувшись к нему и закрыв глаза, и ничем себя не выдал, даже ресницы ни разу не дрогнули.

Наверное, он прав: персонал пациентов друг от друга не отличает.

По крайней мере, старшая медсестра прошла мимо, ничему не удивившись.

Но что произойдет, когда на них посмотрят более внимательно? А во время мытья? Или когда заявит о себе потребность справить малую нужду – ну или когда ему срать приспичит, в конце концов? Брайан не отважился додумать мысль до конца и тут же понял, как ужасно ему распирает живот.

Бросив взгляд на последнюю койку в вагоне, старшая медсестра громко хлопнула в ладоши и отдала приказ. Ненадолго воцарилась полная тишина.

Молча выждав несколько минут, Брайан снова приоткрыл глаза. Джеймс молча на него смотрел – все говорил взгляд.

– Ушли, – прошептал Брайан и посмотрел на ряд коек. – Что там случилось?

– Они нас на потом оставили. Другим надо больше внимания уделить.

– Ты понимаешь, что они говорят?

– Да. – Потрогав ухо, Джеймс оглядел себя. Раны на его теле, судя по всему, не слишком заметны. – Как там твои раны?

– Я не знаю.

– Так посмотри и узнай!

– Я же не могу сейчас рубашку снять.

– Давай! Надо убрать кровь, если она есть. Или они неладное заподозрят.

Брайан покосился на иглу. Он смотрел на проход и глубоко дышал, затем криво стащил рубашку через голову – она повисла на руке, из которой торчала игла.

– Ну и что там? – слышалось сбоку.

– Не очень.

И руку, и плечо не помешало бы хорошенько промыть. Царапины оказались неглубокими, а вот рана в плече шла до самой спины.

– Рукой умойся. Слюнями, а руку потом оближи. И потопишь, Брайан!

Джеймс слегка приподнялся на койке. Когда рану на плече Брайана снова скрыла рубашка, он слабо кивнул. Губами он попытался изобразить улыбку, но по глазам было видно, что на душе у него совсем другое.

– Брайан, нам придется татуировки сделать, – сказал он, – и как можно быстрее.

– А как это делается?

– Под кожу вкалывают пигмент. Мы иглой воспользуемся.

От одной мысли Брайана затошнило.

– А пигмент?

– Думаю, можно взять грязь из-под ногтей.

Осмотр рук показал, что по крайней мере грязи им хватит.

– А мы столбняк не подхватим?

– От чего?

– От грязи из-под ногтей!

– Забудь, Брайан. Это не самая большая наша проблема.

– Ты про боль думаешь?

– Нет. Я думаю, какую татуировку делать.

Брайана поразила разумность этих слов. Ему самому и в голову не пришло задаться этим вопросом. Какую татуировку делать?

– Джеймс, какая у тебя группа крови?

– Первая отрицательная, а у тебя?

– Третья положительная, – тихо ответил Брайан.

– Дерьмово, – устало произнес Джеймс. – Слушай, если у нас не будет татуировок со второй положительной, в какой-то момент они, черт побери, заподозрят неладное. Такое же в истории болезни пишут, разве нет?

– А что, если они нам кровь не той группы перельют? Черт возьми, это же опасно!

– Всё так. – Последнюю фразу Джеймс произнес очень тихо: – Поступай как знаешь, Брайан, но я сделаю татуировку

со второй положительной.

Сильная тяга ниже пояса сбила Брайана с толку – все сложности смешались в одну кучу. Больше он сдерживаться не мог.

– Мне отлить надо.

– Так давай! Чего тут сдерживаться?

– В койку?

– Бога ради, Брайан! Да, в койку. Куда еще?

Вдруг в задней части вагона что-то зашевелилось – оба тут же закрыли глаза и замерли в том положении, в котором их застали. Брайан лег неудобно, подмяв под себя одну руку, а вторую криво положив поверх одеяла. Несмотря на сильное желание, выдавить из себя жидкость он не мог.

Запирающий механизм решение принял сам.

По интонации и тембру Брайану удалось насчитать минимум четырех медсестер. Видимо, каждой койкой одновременно занимались две медсестры. Повернуть голову Брайан не решился.

Где-то поодаль одна группа медсестер опустила ограждения на кровати покойника. Вероятно, они его уберут. В той группе, что была к нему ближе, болтали о личном и работали.

Брайан разглядел, что лежавшему напротив них пациенту стащили через голову рубашку и тот лежал с голыми ногами и гениталиями. Склонившись над ним, они уверенно шари-

ли руками с единственной целью – доделать свою работу.

Медсестры в задней части вагона уже обернули простыней покойника с третьей койки и как раз переворачивали его на спину. Когда они перетаскивали больного на середину простыни, раздался какой-то звук – все четыре медсестры тут же побросали свои дела. Закровоточила длинная рана, тянувшаяся от плеча к затылку. Не обращая на рану ни малейшего внимания, одна из женщин отколола от воротничка свой значок и с силой воткнула иглу мужчине в бок. Если он и застонал, Брайан этого расслышать в любом случае не мог. И независимо от того, сочли они его мертвым или нет, они продолжили его заворачивать.

Как им с Джеймсом сохранять спокойствие, чтобы никто не почуял неладное, он не знал. Брайан смотрел на бесстрастные лица трудившихся медсестер. А если они в него иголку воткнули? Сможет ли он не шевельнуться? В этом Брайан сомневался.

От этой мысли его передернуло.

Когда они пропустили Джеймса и направились к Брайану, тот вздрогнул. С него вдруг сдернули одеяло и одним движением перевернули на спину.

Женщины были молодыми. Накатило неприятное смущение, когда они раздвинули ему ноги и стали резкими движениями вытирать задний проход и мошонку.

Вода оказалась ледяной, и от неожиданности у него за-

тряслись бедра. Брайан старался взять себя в руки. Если сейчас у них никаких подозрений не возникнет, они многое выиграют. «Не показывай подмышки», – думал он, когда его снова перевернули.

Какая-то женщина раздвинула его ягодицы и ощупала простыню между ног. Они обменялись парой слов. Наверное, удивились, что простыня сухая. Одна из медсестер склонилась над ним, а в следующее мгновение Брайан почувствовал, что его сейчас ударят по щеке. За долю секунды он осознал, что его будут бить и что ему надо расслабиться. Тяжелый удар пришелся ему на скулу и по брови – он даже не шелохнулся.

Значит, может и иголка появиться.

Его мысли ушли далеко от кошмарной реальности трясущегося поезда, но он почувствовал, что ему в бок входит игла.

Он похолодел. Но ни одна мышца не дернулась.

Если это снова случится, будет сложнее.

Затем поезд стало пошатывать. Вагон сильно встряхнуло – закрипели кровати. Вдалеке раздался удар. Две женщины, только подошедшие к кровати Джеймса, закричали и отпрянули. Труп рухнул на пол. Брайан осторожно протянул руку к тому нежному месту на пояснице, куда ему воткнули иглу. Рядом с ним на койке лежал Джеймс – рубашку с него стащили только наполовину. Джеймс лежал тихо как мышь и вытаращенными глазами выглядывал из складок рубашки;

лицо у него побелело как мел.

Одними губами Брайан нервно произнес, что бояться нечего, что нужно расслабиться и закрыть глаза. Но от напряжения и страха Джеймса унесло далеко.

По лицу потекли внезапно проступившие коварные капли пота. Вагон тряхануло еще несколько раз, и медсестер бросило вперед – свою тяжелую мертвую ношу они выронили. Услышав их громкие жалобы, женщины за спиной Брайана кинулись на помощь. Когда они пробегали мимо, Джеймс вздрогнул под одеялом и, задышав, стал хватать ртом воздух.

От двух мощных ударов вагон задрожал – Брайана отбросило на край койки. Джеймс поджал под себя ноги и судорожно вцепился в простыню. Поезд двигался рывками. Брайан протянул к Джеймсу руку, чтобы успокоить. Но Джеймс этого не заметил. Из его глотки рвался крик. Прежде чем он раздался, Брайан успел выпрямиться и схватить стальной тазик, оставленный медсестрами на краю койки, перед полуголым Джеймсом.

Брайан сильно ударил своего соседа в висок, вода расплескалась на стену. Медсестры встрепнулись от звука удара, но увидели только Брайана, чье тело вяло свисало с края койки, не доставая до пола. На полу, прислонившись к стене, дном вверх стоял тазик.

Насколько Брайан мог судить, Джеймс не вызвал у медсе-

стер подозрений, пока они приводили его в порядок. Поглощенные тихой беседой, они закончили работу и не проявили ни малейшего интереса к отсутствию татуировки под мышкой.

Когда они ушли, Брайан долго смотрел на Джеймса. Изуродованная мочка уха и синяки по всему лицу – из-за всего этого его в целом пропорциональную голову перекосило, и выглядел он старше своих лет.

Брайан вздохнул.

Судя по картине, запечатлевшейся у него, когда они запрыгивали в поезд, они в пятом или шестом вагоне. Позади них, сколько хватало глаз, шли вагоны. Если обстоятельства потребуют от них спрыгнуть с поезда при дневном свете, увидят их, должно быть, сорок вагонов. Вряд ли им удастся убежать так, чтобы их не обнаружили. Да и где им убежища искать? На вражеской территории, за сотни километров от границы.

Однако хуже всего то, что теперь им нельзя себя раскрывать. Можно сказать, на их совести уже три человеческие жизни. Один уже умер, а второй умирал – ну и что? Без нужной формы их сочтут шпионами и, перед тем как казнить, выпытают все, что им известно.

Несмотря на страдания, которых Брайан успел насмотреться за войну, он ощутил, что судьба обошлась с ними чудовищно несправедливо. Он не был готов умирать. Ему было ради чего жить. Представив рядом с собой членов семьи,

он почувствовал грусть, отчаяние – и тепло.

В это мгновение тело Брайана ненадолго расслабилось, благодаря чему мочевого пузыря спокойно опорожнился.

Постепенно поезд вернулся к обычному, ровному ритму движения. Матовые стекла приглушали проникающий в вагон бледный свет зимнего солнца. Голоса предупредили об очередном осмотре.

Несколько человек молча шли впереди, за ними некто в халате – он заметно возвышался над окружающими и целенаправленно двинулся к первой койке. Здесь он так грубо схватил медкарту, что затрясся край койки. Затем сделал небольшую пометку, оторвал бумагу и протянул медсестре, чуть ранее занимавшейся этим больным.

Пациентов не осматривали. Высокий военврач слегка наклонялся к изножью коек, обменивался парой слов с персоналом, давал указания и быстро шел дальше. У четвертой койки, на которой лежал Брайан, он с уважением посмотрел на карту, прошептал несколько слов старшей медсестре и покачал головой.

Затем он резким движением указал на изголовье Джеймса – тут же подскочившая юная девушка подняла его повыше. Брайан изо всех сил старался дышать помедленнее и думать о чем-нибудь другом. Услышав стук сердца, они решили бы, что в его грудной клетке раздаются взрывы.

В изножье кровати говорили долго. Брайан отличил рез-

кий голос старшей медсестры и предположил, что она недовольна его реакциями или общим состоянием. Вплотную к его спине встал человек, койка тихо затряслась. Затем огромные ладони схватили его за рукав и уложили на спину. Кончики пальцев прошлись по бровям, затем еще раз. Брайан был уверен, что моргнет, и почти перестал дышать.

Голоса смешались, и тут совершенно неожиданно его веко приподнял чей-то большой палец. Мелькнула вспышка света карманного фонарика – луч направили ему прямо в глаз, полностью ослепив. Затем его ударили по щеке и вновь осветили фонариком.

По ногам дул холодный ветер, чьи-то руки взялись за пальцы его ног, а врач вновь приподнял веко. Судя по всему, несильные покалывания пальцев ничего им не дали. На смерть перепуганный Брайан лежал не шелохнувшись.

Но он оказался совершенно не готов к тому, что под нос ему сунут пропитанную нашатырем тряпку. От неожиданности парализовало мозг, перехватило дыхание. Брайан широко распахнул глаза и отвернулся в подушку, хватая воздух.

Совсем рядом с его головой сквозь пелену слез была видна пара глаз. Врач что-то ему сказал, а потом мягко хлопнул по щеке. Затем он снова выпрямился и посильнее приподнял изголовье – Брайан оказался в полусидячем положении, лицом к лицу с врагами.

Брайан решил смотреть в стену за их спинами и следующий удар встретил с широко распахнутыми глазами. «Задер-

жи дыхание... Не моргай». За такими состязаниями они с Джеймсом часто коротали время в комнатке за кухней летнего домика в Дувре.

Следующий удар оказался жестче. Брайан не сопротивлялся, и его голова качнулась назад, как будто ни на чем не держалась. Когда разговоры смолкли, группа людей перед ним рассосалась – возле его медкарты остался только один человек. За царапающими звуками последовал грохот – из головы вновь опустилось.

Брайан не стал закрывать глаза. Во время обхода он заметил, что за ним постоянно наблюдают. Затем его веки сами стали медленно опускаться.

В полудреме он даже не обратил внимания на то, что ему сделали укол.

Глава 4

– Пойдем! – донеслось издалека, голос смешался с летним шумом и картинами туманной дымки. – Брайан, пойдем!

Возникло ощущение качки, а голос становился все глубже и громче. Потом он почувствовал, что его трясут за руку. Брайан не сразу понял, где находится.

Сейчас в полутемном вагоне было тихо. Молча улыбнувшись, Джеймс в последний раз дернул его за руку, Брайан улыбнулся в ответ.

– Придется говорить шепотом.

Брайан кивнул, он все понимал.

– Когда я проснулся, ты был без сознания, – продолжил Джеймс. – Что там случилось?

– Я тебя вырубил, – произнес Брайан, пытаясь сосредоточиться. – А потом они нас осмотрели. Мне в зрачки заглядывали. И я глаза открыл. Они знают, что со мной неладное.

– Знаю. Они на тебя несколько раз поглядывали.

– Надолго я отключился?

– Брайан, соберись и послушай меня! – Джеймс отдернул руку. – В переднем вагоне полно солдат. Они едут домой в увольнение, но, думаю, им приказали еще и за пациентами приглядывать.

– Домой?

– Да, мы глубоко на территории Германии. Целый день

ехали. В последнее время мы еле ползем. Не знаю, куда мы направляемся, но сейчас в Кульмбахе стоим.

– Кульмбах?

Брайан с большим трудом удерживал нить разговора.

Кульмбах? Кульмбах? Поезд стоит?

– К северу от Байройта, – прошептал Джеймс. – Бамберг, Кульмбах, Байройт – помнишь?

– Знать бы, что они мне вкололи. У меня во рту пересохло.

– Брайан, соберись! – Несколько тычков, и Брайан снова открыл глаза. – Что произошло, когда нас мыли?

– В смысле, произошло?

– Татуировки, друг! Как все прошло?

– Они не смотрели.

Джеймс откинул голову на подушку и воззрился в потолок.

– Надо татуировки сейчас сделать, пока нам все видно.

– Джеймс, мне холодно.

– Холодина ужасная. Они проветривали. Весь пол был в снегу, – Джеймс указал на пол, не сводя глаз с потолка. – Смотри-ка, еще остался. Как ты понимаешь, солдаты рядом в шинелях сидят.

– Ты их видел?

– Они сюда время от времени заглядывали. Пару часов назад искали санитары – того, что мы с поезда сбросили. Они в курсе про стычку с какими-то летчиками-англичанами – видели, как они в поезд запрыгивали. Должно быть, сведе-

ния о нас передали те патрульные с собаками.

– Как?

События стремительно разворачивались у Брайана в голове – он и сам за ними не поспевал.

– Не знаю. Но им обо всем известно, они нас искали, но не нашли – и не найдут.

– А санитар?

– Не знаю.

Джеймс не стал продолжать беседу, сел и взялся за торчащую в левой руке иглу. Закрыв глаза, он вытащил ее – из подающего лекарство шланга на простыню закапала смешанная с кровью жидкость. Опершись на локоть, Брайан пытался следить за его действиями. Дорогу жидкости перегородил небольшой узелок на резиновом шланге – Джеймс в это время закатал рукав рубашки до плеча. Затем почистил пару ногтей кончиком иглы и стал небольшими порциями вкалывать грязь под тонкую кожу подмышки.

Выглядел Джеймс паршиво: с щек исчез румянец, губы посинели. А игла все колола и колола. На светлых волосах в подмышке появлялось все больше красных капель. Чтобы указать первую положительную группу, уколов понадобилось много.

– Я чертовски сильно надеюсь, что воспаления не будет, – прошептал Брайан, вытаскивая иглу. – А если и будет, лучше себя обезопасить. Джеймс, я свою настоящую группу крови укажу!

– Ты с ума сошел! – возмутился Джеймс, тем не менее даже не пытаясь отговорить друга. Ему и своих забот хватало.

По мнению Брайана, он все хорошо продумал. Конечно, писать третью положительную вместо второй положительной рискованно. Но обозначения групп крови очень похожи – все решат, что ошибся тот, кто делал записи в карту. Если станут сравнивать с картой, то удивятся и наверняка исправят данные там. В этом он был уверен.

Таким образом, если они решат накачать его хоть кровью, хоть какой-нибудь дрянью, хуже ему не станет. А это все же, несмотря ни на что, главное. Есть еще одна вероятность: при определенных обстоятельствах в подмышку даже заглядывать не станут и последуют указаниям в карте. Но эту мысль Брайан предпочел отогнать. И стал выскребать грязь из-под ногтей.

Дело подвигалось очень медленно.

Дважды их прерывал шум из переднего вагона. Во второй раз Брайан автоматически засунул иглу под одеяло. Промелькнула тень – он тут же зажмурился.

Судя по звукам у кровати Джеймса, к ним шел еще один человек. Как только поезд тряхнуло, голову Брайана откинуло вбок, в сторону койки Джеймса. Он мельком разглядел одетого в черное офицера.

Брайан почувствовал, как от отвращения его охватила холодная дрожь, и он отвлекся от боли в подмышке. Сжимая иглу – она полностью исчезла в руке, – он надеялся, что

Джеймс успел проявить ту же осторожность.

Офицер службы безопасности СС встал, заложив руки за спину, и долго смотрел на лица «находящихся без сознания». Снаружи раздались металлические звуки и крик. Вагон резко дернулся, но офицер даже не пошатнулся.

За несколькими рывками последовали сильные удары и мерное покачивание. Их переводили на другой путь. Когда железнодорожники наконец завершили свое дело, человек в черном развернулся и ушел.

Чуть позже, уже ночью, явился мужчина в шинели – и направился прямо к соседу Джеймса с другой стороны. Недолго постояв рядом, посветил ему в лицо. Затем замер, глухо вскрикнул и ушел в задние вагоны.

Вернулся он совсем скоро, ведя еще несколько человек. Один, одетый в халат, – его они еще не видели – разорвал рубаху у выреза и обнажил грудь пациента.

Послушав несколько секунд, он убрал стетоскоп и буквально вскипел от злости, что повлекло за собой целый клубок событий. Медсестры, жестикулируя, отпрянули. Хлопнула передняя дверь, и появился офицер службы безопасности: немедленно отдав ряд приказов, он решительным движением ударил первую медсестру по лицу. Шумно обменявшись парой слов с окружающими, солдат, с которого все началось, выбежал из вагона и вскоре привел еще нескольких. Тем временем пациента вынесли в сопровождении охранни-

ков и санитаров.

Над зданием железнодорожной станции затарахтел двигатель и раздался протяжный визг тормозов, сливаясь с доносившимися снаружи лихорадочными приказами. Больные в вагоне вновь оказались предоставлены самим себе.

– Что там стряслось? – спросил Брайан.

Джеймс приложил палец к губам.

– Он умирает. Он же группенфюрер, вот офицер службы безопасности и взбесился, – чуть слышно ответил он.

– Группенфюрер?

– Генерал-лейтенант! – с улыбкой пояснил Джеймс. – Да, ну и дела. Черт побери, ты только подумай: прямо рядом со мной лежал генерал войск СС. Неудивительно, что у персонала аж лица вытянулись. В таком месте любой неверный шаг чреват последствиями!

– И куда они его потащили?

– Служба безопасности повезла его в Байройт. Там больница есть.

Брайан вновь послуныявил пальцы, осторожно вытер засохшую кровь под мышкой и начисто их облизал. Важно не оставить следов.

– Знаешь, Джеймс, чего я больше всего боюсь?

Когда Джеймс повернулся на бок и накрылся одеялом, от его кровати пахнуло вонью.

– Нет.

– А что, если эти пациенты едут домой, к семьям?

– Думаю, так и есть.

Услышав утвердительный ответ, Брайан закрыл глаза.

– А почему ты так думаешь? – справившись с собой, он задал вопрос.

– Когда они выносили генерала, я услышал слово «Heimatschutz». Не знаю, что оно значит, но, если перевести по частям, получится «защита родины» или что-то в этом роде. Как я понимаю, именно туда мы и направляемся. Под защиту родины!

– Джеймс, да нас же раскроют! – прошипел Брайан.

– Наверное. Все так.

– Надо отсюда драпать! Остаться здесь – это же безумие. Мы не знаем, от чего нас лечат, куда мы едем – тоже непонятно!

Лицо Джеймса оставалось бесстрастным.

– Брайан, оставь меня в покое ненадолго.

– Сначала ответь на один вопрос. Ты согласен, что отсюда надо убираться? Может, сегодня ночью, если поезд опять тронется?

Повисла долгая тишина – было слышно, как шум грузовика медленно растворился где-то за станцией. Теперь голоса снаружи звучали чуть поодаль. Пациент по другую сторону от Брайана вскрикнул и глубоко вздохнул.

– Мы замерзнем насмерть, – наконец тихо произнес Джеймс. – Но ты прав.

План побега расстроился еще до того, как снова рассвело. В переднюю часть вагона вошли три женщины в гражданском и почти бесшумно распахнули дверь на платформу, выпуская ледяной воздух. В середине вагона, прямо перед кроватью Брайана, женщин встретили врачи, покорно ответив на их «Хайль Гитлер!», и тут же начался спор. Женщины почти ничего не говорили и дали старшим врачам возможность выпустить пар. Затем вся группа обошла койки под пространные комментарии врачей. Ненадолго они остановились возле кровати Брайана и, пошептавшись, скрылись в соседнем вагоне.

– Гестапо. Эти женщины из гестапо, – сразу же сообщил Джеймс, как только щелкнула дверь вагона. – Они за нами присмотрят. Будут дежурить круглосуточно! Им сурово пригрозили, если в этом вагоне что-нибудь случится. Мы в хорошей компании, Брайан. Мы что-то значим. Только я, черт побери, не знаю что!

С этого момента в глубине вагона на стуле обязательно сидела какая-то из женщин. Даже когда перед самым отправлением поезда пришел транспорт с ранеными – пустые койки заполняли безвольные тела, лежащие без сознания на носилках, – дежурная не сдвинулась ни на миллиметр. Помощь в ее обязанности не входила, даже если и нужно было всего-то чуть-чуть подвинуться, чтобы санитары смогли пройти.

Сменяя друг друга – насколько Брайан мог судить, каждые два часа, – дежурные ничего друг другу не говорили. Смен-

щица заходила и садилась, и лишь тогда из вагона выходила та, чье дежурство закончилось.

Из-за невозможности переговорить с Джеймсом на Брайана навалилась неуверенность. Они сошлись на том, что надо бежать, а теперь-то что? Каждый раз, когда Брайан косился на Джеймса, он едва мог разглядеть проступающие под белой тканью очертания его неподвижного тела.

Поезд снова набрал скорость, и шелест растений, колыхающихся в потоке воздуха от мчащегося поезда, говорил о том, что шанс прыгнуть упущен. Даже если бы им не мешало присутствие надзирательниц.

Значит, их раскроют. Очень простое уравнение с парой неизвестных – осталось вычислить, когда и где это случится.

С того момента как они запрыгнули в поезд, тот ушел максимум километров на двести. Крепко зажмурившись, Брайан с легкостью представил очертания Германии и все важные географические точки страны. Итак, две сотни километров – известная величина, однако конечная цель неизвестна. Прежде чем они туда доберутся, пройдет день или два. А может, это вопрос нескольких часов. Все зависит от пункта назначения, скорости, количества остановок и загруженности линии. Не стоит забывать и про вероятность авианалета.

Когда Брайан вновь открыл глаза, над ним в матовой, напоминающей молоко дымке тихо покачивались лампы. Джеймс свесил руку с края койки и стучал по кровати Брайана, пытаясь его разбудить.

– Веди себя потише, – обеспокоенно попросил он.

Брайан не понимал, что сделал, но тут же пришел в себя. Храпел он редко, а еще знал, что во сне никогда не разговаривает. Или разговаривает?

Медсестры уже приступили к утреннему умыванию. Если сравнивать со вчерашним днем, веселья молодые женщины не демонстрировали. Темные круги под глазами и характерная прозрачность кожи ясно говорили, каково им пришлось. Отсутствие сна, ответственность за сотни пациентов и жесткое давление из-за обвинения в халатности при уходе за умирающим генерал-лейтенантом – глаза смотрели напряженно, руки двигались механически.

Третий день Брайана и Джеймса на чужой земле. Четверг, 13 января 1944 года. Брайан запомнил дату и задумался: как долго ему удастся не терять счет дням, пока враги оставят ему такую возможность?

Вскидывая ноги, вошел офицер службы безопасности и оглядел своих подчиненных. Как по мановению волшебной палочки, деловитое оживление в вагоне сменилось замешательством. Однако офицеру не стоило и трудиться. Брайан повернул голову и увидел, как Джеймс незаметно сжал руку. Страх или злость?

Брайан не мог даже собственное состояние описать.

До Брайана и Джеймса две группы медсестер, идущие с разных сторон, добрались одновременно. В этот раз простыни стянули с таким рвением, что тела перевернулись сами.

По шлепку стало понятно, что Джеймс в процессе перемещения ударился о край койки.

В тот момент, когда его вытирали, Брайан зажал левую подмышку. На этот раз ледяная вода принесла облегчение. Кожу не щипало от корок мочи и ночных испражнений, но она распухла и стала чесаться. Неудобство ему причиняли лишь прикосновения женских ногтей к нежной коже мошонки.

Простыня была новой и неотбеленной, еще ни разу не стиранной. Приятно щекочущее ощущение от ее гладкости смешивалось с раздражением из-за жестких складок, тянувшихся вдоль его бока. В таком положении ему придется лежать до тех пор, пока все не уйдут. А пока ему удавалось следить, как персонал возится с Джеймсом.

Он слышал шлепок, – наверное, из-за него вновь вскрылась рана на ухе Джеймса. Длинные струйки дезинфицирующей жидкости, смешанные с остатками крови, тянулись вверх по щеке к темному пятну. Оторвавшийся от мочки уха мелкий кусочек кожи лежал возле него на повязке. За случившимся наблюдал офицер службы безопасности; когда рану мазали йодом, он подошел поближе. Под его взглядом медсестра растерялась и уронила каплю желто-коричневой жидкости Джеймсу на лоб.

Пока медсестра и ее помощница торопливо двигались дальше, офицер службы безопасности стоял и рассматривал каплю, которая медленно ползла Джеймсу в уголок гла-

за. Миллиметр за миллиметром едкая жидкость приближала катастрофу – их могли раскрыть. Должно быть, Джеймс догадывался, что на него смотрят, иначе он смахнул бы каплю, повернулся на бок или покрепче зажмурился. Когда позади осталась переносица, капле уже ничто не мешало.

В то мгновение, когда она уже почти скользнула в глаз, перед лицом Брайана зашевелились черные галифе. Легким движением большой палец офицера смахнул каплю в сторону и вверх, на бровь Джеймса. Затем он снова заложил руки за спину и аккуратно вытер запачканный йодом палец.

Брайан уже двое суток провел без еды, однако голода не чувствовал, да и жажды тоже, если не брать в расчет сухость во рту. Значит, питания, поступающего ему в руку через трубку, было вполне достаточно.

С последнего приема пищи прошло больше шестидесяти часов. Упали они больше пятидесяти пяти часов назад, а в постелях пролежали примерно пятьдесят. А что будет, когда пройдет еще сто пятьдесят часов? А если им в горло засунут резиновую трубку – как они это выдержат, ничем себя не выдав? Ответ очевиден и прост. Никак!

Брайану надо было сделать так, чтобы с ним этого не произошло. То есть очнуться и перестать симулировать апатию. Джеймсу тоже придется открыть глаза. Последовать чужому примеру и вывести себя из напоминающего кому состояния.

Преимуществ у них появится много. Они смогут следить

за происходящим вокруг и поддерживать друг друга, подавая знаки. Смогут притвориться, что медленно выздоравливают. И как только выздоровеют, будут самостоятельно принимать пищу, а кроме того, сидеть – и даже из кровати выбираться.

Может, даже сбежать получится.

Брайан снова вернулся к тем самым вопросам: что с этими людьми случилось и почему они вообще здесь лежат?

У большинства людей в вагоне ран видно не было. Естественно, под одеялами вполне могли скрываться какие-то серьезные раны, но раздевание во время утреннего умывания не объяснило, что же случилось с этими пациентами. Ясно одно: все они были в глубоком беспамятстве – явно не просто так. Есть пара человек с перевязанной головой. С ними все очевидно. У них были основания лежать неподвижно. А с остальными что?

Что было с теми голыми мертвыми мужчинами, которых они сбросили в канаву? И от какого недуга теперь лечили оказавшихся на их месте Брайана и Джеймса?

А если они вдруг откроют глаза и начнут реагировать на окружающих – о чем это скажет? Все будет хорошо? Какие последствия их ждут?

Очередные анализы? Рентген? И что тут скажешь, если обнаружатся лишь два здоровых черепа без всяких повреждений?

По логике, у всех вопросов о том, кто они, что с ними слу-

чилось и что произойдет, если их приедут навестить семьи, итог лишь один.

Брайану придется открыть глаза.

Придется им сыграть в эту игру – и приложить все возможные усилия.

Глава 5

Чем больше Брайан думал, тем больше крепла его уверенность: он принял единственно верное решение. Открыв глаза, он тем самым осторожно заявил о переходе в новое состояние. В течение дня по вагону безостановочно сновали медсестры и солдаты, не обращая на него никакого внимания.

Около него абсолютно неподвижно лежал Джеймс. Он спал – должно быть, наверстывал упущенное во время ночного бодрствования. Каждый раз, когда охранявшие их сотрудники гестапо потягивались или задремывали, Брайан пытался дотянуться до соседней кровати и привлечь внимание Джеймса. Один раз тот качнул головой и глубоко вздохнул. Больше ничего не происходило – все это тревожило Брайана сильнее, чем хлопанье двери в передней части вагона, когда солдаты СС делали очередной обход.

Регулярно навещался офицер службы безопасности.

Когда Брайан в первый раз заметил, что его рассматривают холодные глаза, у него замерло сердце. Во второй раз он сделал все, чтобы видеть только мелькающие на потолке нейтральные тени. Но хотя человек в черном несколько раз упирался взглядом в открытые, мертвые глаза Брайана, он ни разу даже не остановился.

Ничего необычного он тоже не видел.

На то, чтобы осмотреться, времени у Брайана было полно.

Порой сквозь мелькающие на окне тени пробивался вялый солнечный луч и волнами рассеивался по мертвенным лицам пациентов с соседних коек.

Время еле ползло.

После восхода солнца поезд шел довольно медленно. Несколько раз и вовсе почти останавливался. Неподалеку слышался шум от машин на дорогах и человеческой суеты, что всякий раз оповещало о том, что они проехали еще один город.

По представлениям Брайана, двигались они на юго-запад и уже проехали Вюрцберг. Пунктом назначения вполне могли оказаться Штутгарт, Карлсруэ или любой другой еще не затронутый бомбардировками город. Когда эти памятники былого тоже сровняют с землей – вопрос времени. Товарищи из Королевских военно-воздушных сил будут приходить ночью, а американцы – днем, до тех пор пока приходить уже будет некуда.

До того как снаружи пропал свет, Брайан лежал и ждал, что Джеймс проснется. Пришедшая на смену охранница села с усталым видом. Ее очередь настала уже в третий раз. Она была очень красивой женщиной. Ее не назовешь молодой и проворной, но сияла она так же ярко, как те улыбающиеся зрелые женщины с колышущейся грудью, которых Брайан с Джеймсом раздевали глазами в Дувре. Брайан отвел взгляд. Надо бы ему сосредоточиться на проблемах. Охранявшая их женщина не улыбалась. На нее уже наложило отпечаток все

то, через что ей приходилось пройти. Но она была красивой.

Женщина потянулась, и ее руки тяжело повисли по бокам – она вглядывалась в сумерки, в тени на снегу, вновь падавшем огромными хлопьями. В ее взгляде смешались проводимая в лишениях жизнь и предопределенность. Потом она медленно встала и подошла к окну. Прислонившись лбом к дрожащему стеклу, на секунду она погрузилась в свои мысли – Брайан получил возможность что-то сделать.

Когда Брайан стукнул Джеймса, тот отпрянул. Несколько аккуратных встряхиваний оказалось недостаточно.

Джеймс очнулся резко, но даже не дернулся от удивления и не хватал ртом воздух. Его самоконтролем Брайан всегда искренне восхищался.

Еще сонные глаза спокойно наблюдали за Брайаном, пытаясь считать слова по преувеличенно четким движениям рта. Затем взгляд вновь затуманился, а веки отяжелели, коварно охраняя крепкий сон, из которого его только что вырвали. Во взгляде Брайана мелькнуло предупреждение о том, что случится, если он не возьмет себя в руки.

Джеймс закивал. «Не закрывай глаза», – изобразили пальцы Брайана. «Сделай вид, что ты не в себе, с ума сошел», – произнесли его губы. «И у нас появится шанс», – умоляли его глаза в надежде, что Джеймс все поймет.

«Это ты с ума сошел», – спокойно ответил он. Очевидно было, что предложение Брайана Джеймсу не понравилось.

«А если дело дойдет до вопроса – что они нам сделают,

если мы не станем отвечать?» – молча рассуждал Брайан.

Но Джеймс решение уже принял. «Ты первый!» – показал он жестами, не предполагавшими возражений. Брайан кивнул.

У него-то дело шло полным ходом.

В эту ночь в вагоне потушили свет после того, как врач закончил обход. Сотрудница гестапо коротко кивнула в ответ на его вежливое приветствие и следила за каждым его движением. Все произошло за несколько минут.

Пощупав пульс у пары недавно поступивших пациентов, врач оглядывал кровати: осматривал каждого пациента в отдельности и шел дальше. При виде Брайана – тот лежал с широко распахнутыми глазами и наполовину сброшенным одеялом – врач повернулся на цыпочках и окликнул дежурную. Прозвучало несколько резких комментариев, она бросилась в заднюю часть вагона и вышла – за ней с грохотом захлопнулась дверь.

И врач, и медсестра, которых привели из ближайшего вагона, склонили головы к постели больного, к самому лицу Брайана.

Уследить за их действиями Брайану оказалось невыносимо сложно – он лежал с отсутствующим взглядом. Один раз они оказались в поле его зрения, дав ему повод подумать не только о проводимых с ним физических манипуляциях.

А они шли одна за другой. Сначала они посветили ему

в лицо, затем покричали. Потом легонько побили по щекам и тихо заговорили. Положив руку ему на щеку, медсестра обменялась парой слов с врачом.

Брайан ждал, что ее рука потянется к острому инструменту – значку медсестры, приколотому к краю воротника, но повернуть к ней лицо не мог. Задержав дыхание, он напряженно ждал того момента, когда она его уколёт. Когда это произошло, реагируя на боль, он закатил глаза – так, что потолок вагона завертелся, будто он катался на карусели, голова закружилась, потекли слезы. Когда она уколола его еще раз, он повторил путешествие на карусели и закатил глаза – глазные яблоки заметались в орбитах.

Затем они недолго его пообсуждали, снова посветили фонариком в глаза и наконец оставили в покое.

Посреди ночи Джеймс открыл рот и стал тихонько напевать. Их охранница резко вскинула взгляд и с удивлением оглянулась по сторонам – на мгновение показалось, что она со всех сторон ожидает вражеской атаки.

До того как зажгли свет, Брайан открыл глаза и успел лечь на бок. На мгновение свет ослепил Брайана. Он погрузился в свои мысли.

Инсценировка оказалась чрезвычайно успешной и действенной. Выражение лица Джеймса было не просто отстраненным, затуманенным и абсолютно безумным – на него вдобавок упала тень боли и апатии. Гротесковое и отврати-

тельное зрелище. Поверх одеяла спокойно лежали руки: кисти согнуты и перепачканы испражнениями. Под ногти забились куски дерьма, а от светлых волос под мышками тянулись липкие коричневые полосы. Одеяло, наволочка, простыня, изголовье, рубаша – все перемазала вонючая вязкая масса.

Наконец-то Джеймс справил нужду.

Охранявшая их женщина с отвращением сделала шаг назад, прижимая руки к груди.

Последнее, что Брайан слышал, до того как снова задремал и провалился в чуткий, неглубокий сон, а весь персонал – врач, медсестры, санитары и офицер безопасности – разошелся, было жалобное пение Джеймса, невыразительное и непрекращающееся, но степенно затихающее. Инъекция свое дело сделала.

Глава 6

Ощущение, что на веках пляшут мухи, мягкое покачивание морских волн, обдуваемых летним бризом, и разлетающиеся холодные брызги пены, оседающие на щеках, – все это долго сражалось с посторонними звуками и усиливавшимся покалыванием в спине. Волна достала высоко – брызги попали ему в глаз. Брайан моргнул – следующая капля оказалась более осязаемой. Странная сильная боль пронзила его спину до самой поясницы.

Когда он открыл глаза и вяло попытался понять, что происходит, на его лицо, кружась, опускались снежинки – крупные и легкие, словно пух.

У него над головой возникла узкая полоска натянутого тучами неба, отделив здание вокзала от стоящего поезда. Вокруг него уже убирали носилки. Из передней двери состава с вещами поочередно выходили солдаты СС, закинув на плечо винтовки.

Двое человек спрыгнули с края перрона и пошли, переговариваясь, вдоль железнодорожных путей. За спинами у них болтались каски и противогазы.

Солдаты возвращаются домой.

С резким пронзительным скрипом задний вагон отделился от остальных – в туманной дымке открылся вид на холмы и городские здания. На щеки Брайана приземлилась еще па-

ра снежинок – на короткое мгновение сон смешался с реальностью. Он чуть привстал, чтобы до него не добрался идущий от земли лютый холод, и медленно осмотрелся, ища Джеймса в вихре носилок на перроне.

Поперечные балки крыши поддерживал ряд вертикальных бревен – к деревянному зданию оставался проход шириной не более двух метров. В снегу стояли прислоненные к стене носилки. Часть пациентов уже унесли. Едва подумав о том, что Джеймса забрали, Брайан в бессилии откинулся назад. Сухо загрохотал двигатель, и вот еще один грузовик дал задний ход к съезду в дальнем конце перрона.

Подошедшие люди разглядывали лежавших. Затем руками стряхнули с себя снег, застрявший в складках шинелей, и взяли ближайшие носилки. Через какое-то время на перроне остались только носилки Брайана и еще одни, частично скрытые решетками почтовой тележки. Из-под одеяла виднелись голые ступни, сверху – темное красноватое пятно. Оглядев себя, Брайан осторожно пошевелил пальцами ног. К нижнему краю одеяла был приколот клочок цветной бумаги. На белом фоне он казался кровавой кляксой.

Поодаль, за мельтешащими и сбивающимися в кучи хлопьями снега, у железнодорожных путей виднелось еще одно здание. Основную часть вагонов отогнали туда. Что-то радостно кричали мелкие черные точки. Брайану все это было знакомо. После долгой службы его тоже встречали близкие. Он с грустью попросил о том, чтобы снова испытать это чув-

ство.

Затем за его спиной распахнулась дверь деревянного здания. Двое пожилых гражданских прикурили в дверном проеме и побрели к локомотиву, не закрыв за собой дверь.

Через мгновение из переднего вагона стали выбирать-ся солдаты. Не веселые, возвращающиеся домой мальчишки, предвкушающие мамину стряпню и объятия любимой, а уставшие, ссутулившиеся мужчины, двигавшиеся вперед лишь потому, что на них кто-то постоянно напирал сзади. Стоящий на перроне мужчина принял первого из них, взял под руку и медленно повел вдоль состава, мимо Брайана. За ними безвольно следовала человеческая цепь в сопровождении вооруженных, одетых в шинели солдат.

Это тоже солдаты СС, причем всех подразделений. Брайан с трудом отличал их друг от друга. Элита немецких войск, герои нацистов. При виде знаков отличия, черепов, галифе, жестких фуражек, орденов и прочих побрякушек на Брайана вдруг накатило отвращение. Именно этого врага он учился ненавидеть – и сражаться с ним, не жалея сил.

Поток солдат с ничего не выражающими лицами и показывающихся носилок двигался к открытой двери в дальнем конце, откуда струился бледный, беловатый свет. Грузовик дал задний ход.

Его приближение заглушил хруст снега под сапогами. Мужчина, шедший в колонне последним, окликнул конвоиров и показал на Брайана и оставшиеся носилки.

Носилки подняли и понесли за группой сторбленных людей.

Дойдя до конца состава, они на минуту опустили носилки. На погрузку пришлось потратить время. Железнодорожный рабочий двигался по путям и стучал длинным шестом по стрелкам, мимо которых проходил. Угрожающе жестикулируя и подняв винтовку, его окликнул солдат. Фигура выронила шест в снег и побежала не оглядываясь, пока не скрылась за огромным знаком, возвышавшимся над путями. Горделивые, четкие буквы образовывали надпись: «Фрайбург-им-Брайсгау».

Ни один из ожидавших офицеров не произнес ни слова. Все проходило под строгим надзором – у Брайана не осталось никакой возможности оглянуться и посмотреть, лежит ли на носилках в паре метров позади него Джеймс.

Скоро начнет медленно садиться солнце. Значит, уже вечер. На улице, лежащей за зданием, людей не было, если не считать солдат СС, охранявших площадь перед грузовой станцией.

Вот, значит, куда они все это время ехали. Фрайбург – город на Рейне, у французской границы, на самом юго-западе немецких земель, всего в каких-то пятидесяти километрах от границы со Швейцарией и свободной жизни.

В полутьме кузова, у брезентовых бортов грузовика, двумя рядами сидели фигуры. Между ними наискосок друг к

другу на полу расположилось несколько носилок, уложенных так плотно, что их концы оказались под ногами у сидящих на скамейках. Брайану повезло: он лежал под коротконогим солдатом, чьи сапоги не опустились ему на промерзшие ноги, как случилось кое с кем из лежавших.

Когда подняли последние носилки, в грузовик запрыгнули сопровождающие солдаты и раскатали брезент, а конвоиры захлопнули откидную дверцу.

В резко опустившейся темноте видеть Брайан ничего не мог. Тот, кто лежал рядом с ним, даже не шевельнулся. Сорок человек неровно и глубоко дышали. Изредка слышалось бормотание и ворчание. Двое охранников тихо переговаривались, втиснувшись на край скамейки.

Тут Брайан почувствовал, что около него кто-то зашевелился. Неровными, резкими движениями чья-то рука нащупала его бок и добралась до груди. Там она и осталась.

Схватившись за нее, Брайан ответил на тихое пожатие.

Постепенно у силуэтов проявились лица, и Брайан вдруг сообразил, что у сидящих в санитарном грузовике мужчин было много общего, но одна черта особенно бросалась в глаза. Общий знаменатель, под который теперь подвели его самого и Джеймса.

Они сумасшедшие.

Джеймс попытался объяснить ему это, поглядывая многозначительным взглядом и выцепляя из общей массы

нескольких мужчин.

Большинство из них сидели довольно спокойно, лишь слегка покачивались из стороны в сторону в трясущемся от езды грузовике. Некоторые, напрягая шею, пялились в одну точку или же, неловко скрутив руки, вяло дергались вперед-назад, сжимая и растопыривая пальцы.

Джеймс закатил глаза и аккуратно указал в свой раскрытый рот. «Их накачали лекарствами», – заключил Брайан, соглашаясь с ним. Они и сами притихли, ведь в их телах все еще оставалась отравя; замедлилась реакция, а мозг соображал до непривычного вяло. Будь у них возможность встать, они бы тут же рухнули навзничь.

На Брайана нахлынуло смешанное чувство: облегчение и вспыхнувшая с новой силой тревога. Значит, красные метки вешали на сумасшедших, что играло на руку их плану и вызывало облегчение. Но раз теперь их включили в группу жалких солдат – что с ними будут делать? Забота высшей расы о неизлечимых больных вполне могла свестись к уколу, ну или пуле, что даже еще проще.

Ходили же такие слухи.

Очевидно, на товарной станции не хотели, чтобы их увидело гражданское население. И вот теперь они лежат в темноте и катятся по чужой стране. Охранять их приставили двух солдат. Повод для беспокойства есть.

Брайан попытался улыбнуться Джеймсу. Джеймс выпятил губу. Он поводов для волнения не видел.

На каждом повороте у ступней Брайана болтались ноги солдата. Дорога изгибалась, выкручивалась и извивалась по заснеженному ландшафту, минуя ограждения, дренажные каналы, мелкие ручьи и естественные перепады высоты. На поезде они приехали южнее Шварцвальда, в город Фрайбург. В пути они миновали множество мелких станций и полустанков, где их вполне можно было выгрузить, если их везли на юг. Насколько Брайан мог предположить, двигались они на север или северо-восток, в сам Шварцвальд.

Вероятно, здесь им предстояло тем или иным образом исчезнуть.

Ландшафт выравнился. Джеймс дергался из стороны в сторону и постоянно толкал Брайана – такими рывками дергается секундная стрелка. От стен домов эхом возвращался грохот двигателя. Гравий сменяла брусчатка, а порой – ровный, убаюкивающий асфальт, в конце перешедший в промерзшую грунтовую дорогу. Ни одно мгновение не было похоже на предыдущее, а время тянулось целую вечность. Брайан фиксировал собственные впечатления. Он был уверен, что следующая остановка в их жизни станет конечной.

Заснувший Джеймс тяжело дышал, и у Брайана возникло неприятное чувство изоляции в замкнутом пространстве. Он напомнил себе об обещании Джеймса и попытался побороть желание выпрыгнуть, нараставшее по мере того, как заканчивалось действие лекарства.

Один из охранников подошел к Брайану и наступил ему

на краешек бедра подбитым гвоздями сапогом. Пытавшийся справиться с болью, Брайан не заметил, как больного толкнули обратно на скамейку. Однако он услышал, как с треском порвался брезент, когда сумасшедший, чьи руки были согнуты в локтях, с грохотом ударился об откидной бортик кузова.

Часть развевавшегося на ветру полотна глухо билась о водительскую кабину. Солдат, из-за которого все это и случилось, отложил винтовку: Джеймса разбудил жесткий толчок приклада, а прямо в лицо Брайану смотрело дуло.

Солдат бросился к боковине кузова и высунулся в полутьму – в это время Брайан осторожно протянул руку к винтовке.

Встретившись глазами с Джеймсом, Брайан остановился. Джеймс медленно замотал головой.

За силуэтом солдата пейзаж осветили одетые в белое поля. Для Брайана света оказалось более чем достаточно: осмотр ландшафта был его профессией, и не важно, какое сейчас время суток.

Вдалеке на западе на ровной местности обозначилась характерная серая вершина – ее опознал бы даже зеленый штурман. Исполосованная роскошными виноградными террасами голая возвышенность – форпост Франции, связующее звено между Шварцвальдом и Вогезами, носящее помпезное название Кайзерштуль¹, – пропала вдалеке, подарив

¹ Букв. «стул кайзера». – *Здесь и далее примеч. перев.*

ему возможность понять, где они находятся. Над бортиком кузова проплывали верхушки деревьев. Брайан осторожно приподнялся на локтях. По дренажным каналам скользили мелкие фигуры. Живая речь и высокие голоса. Детские зимние забавы и танцы на коньках на замерзших каналах. Единственный проблеск реальности – и выражение лица войны изменилось. Давно ли детишки из Кентербери – среди них и Джеймс с Брайаном, – согнув коленки, с ликующими воплями на полной скорости проносились под мостиками, соединявшими тропы для скота? Катание по льду. Наивное детское счастье.

На следующем повороте Брайан потерял опору, а верхушки деревьев скрылись за брезентом и потным, самодовольным лицом солдата. Когда паренек из СС наконец ухватился за полотнище, он протиснулся между двумя больными и до конца поездки не выпускал край ткани из рук. Над ногами Брайана, словно пара латунных гирь, болтались сапоги коротконового, кренясь все сильнее и сильнее. Затем снова поднимались.

Вскоре тяжелогруженная машина, покачиваясь, проехала по посыпанной щебнем дороге и затарахтела, как будто забиралась на ту самую голую вершину.

Здесь им предстояло подняться. В глушь.

Они ехали еще час, а затем машина остановилась.

Их уже ждали несколько человек в белом. Носилки

Джеймса перенесли через край кузова, и друзья не успели даже пожать друг другу руки на прощание. Двое санитаров, поднявших носилки Брайана, поскользнулись и чуть было его не уронили. Перед ними открылась темная, пустая, засыпанная щебнем территория, окруженная узкой полоской засохших елей.

Позади них возвышался плотный строй сосен, верхушки которых засыпало снегом, – такие защитят даже от сильных порывов ветра. Очертания расстилавшейся под ними долины растворялись в снежной дымке. Ни единый огонек не выдавал наличие людей внизу, на обетованной земле. Насколько Брайан мог судить, Фрайбург остался к югу от них.

Везли их в объезд.

Двор частично скрывали деревья, высаженные для защиты от ветра. Растерянных пассажиров повели прочь от носилок – они потащились за отдававшим приказы солдатом. Показался еще один грузовик: задняя дверца открыта, кузов пустой. Вышедшая из него группа людей выстроилась чуть дальше, там, где виднелось несколько светлых трехэтажных зданий. На землю мягко ложился тусклый желтый свет из окон. Шумно выпуская теплый воздух, Брайан хрюкнул при виде красного креста на скате крыши. Несмотря на кучи мешков с песком, лежавшие вдоль стен через равные промежутки, решетки на окнах второго и третьего этажа и часовых с собаками, территория напоминала обычную больницу. С виду четырехугольные коробки казались лучше наскоро от-

ремонтированных резервных госпиталей, куда все чаще направляли раненых из Королевских военно-воздушных сил. «Не дай себя одурачить», – думал Брайан, шаг за шагом приближаясь к зданиям.

Постепенно пациенты собрались с одной стороны двора. Пропуская носилки, всего там ждали человек шестьдесят-семьдесят. Где-то впереди санитар из несущих Джеймса попытался впихнуть на носилки руку, которую тот свесил от тряски. На фоне отражающего желтый свет льда Джеймс бесстрашно выставил два пальца, показав Брайану букву V.

С того места, где они выстроились, открывался вид на несколько желтых зданий, расположенных в шахматном порядке. Фундаменты двух довольно глубоко уходили в склон, а остальные находились на окруженной деревьями равнине – она составляла большую часть территории. Над дикими кустарниками остролиста торчало несколько столбов. На них держалось стоящее перед утесами ограждение – проволочный забор, поблескивавший на морозе в свете немногочисленных фонарей. У ворот, перед черным автомобилем со свастикой на дверце и флажками на передних крыльях, в луче света что-то обсуждала небольшая группа офицеров. Один отделился от остальных и знаком подозвал к себе часовых с ближайшего здания. Выслушав, они взяли винтовки и побежали передать приказ. Оружие они подняли вверх, шинели развевались.

На этот раз в строю носилки оказались первыми. Несколь-

ко апатично стоявших молчаливых фигур солдатам пришлось уводить при помощи угроз и тычков. За исключением сухого скрипа сотен ног, идущих по тонкому, пушистому снегу, и отдаленного шума двигателей грузовиков, слышно было только учащающееся дыхание санитаров. Когда они прошли ближайшее здание, выяснилось, что оно стоит отдельно. Всего со своего места Брайан мог рассмотреть девять-десять зданий – некоторые попарно связывали выкрашенные в белый цвет деревянные коридоры. К такому же комплексу – самому дальнему – они и направлялись.

Если не брать в расчет одну-единственную лампу на стене, слабо освещавшую вход, черное здание казалось абсолютно безжизненным. За дверь вышла медсестра в чепчике, поежилась на ветру и подала знак, чтобы строй шел за ней к деревянным баракам, расположенным слева от них. Санитары возмутились, но все же подчинились.

Деревянные бараки оказались высокими одноэтажными зданиями с желтоватыми заиндевевшими окнами. Ставни и тяжелые занавески заслоняли свет с высоких столбов.

Прямо за дверью в барак был зал, где вплотную друг к другу лежали десятки тонких полосатых матрасов. К стенам прикручены шведские стенки, с потолка свисают тускло светящие лампы и спортивные снаряды – бревна, кольца и трапеции. Дальняя стена спортзала – пустая. В следующее здание вела отдельная дверь. Отхожим местом служили рас-

ставленные по залу четыре ведра. С той стороны, откуда они вошли, в небольших закутках, отгороженных полотном, стояли обыкновенные темные деревянные стулья.

В середине зала санитары перекатали Брайана на матрас, засунули под него медкарту и исчезли вместе с носилками за спинами подошедших пациентов, даже не проверив, как их подопечный устроился.

Поток вяло бредущих фигур с пустыми глазами вскоре иссяк. Джеймс лежал в паре матрасов от него и следил за теми, кто пришел последним. Когда все сели или растянулись на жестких постелях, медсестра хлопнула в ладоши и пошла вдоль рядов, снова и снова повторяя одну и ту же фразу. Брайан ее не понял, однако по растерянности остальных пациентов и их неловким попыткам раздеться сообразил, что всю одежду нужно сложить рядом с матрасом. Указание выполнили не все – потребовалась грубоватая помощь санитаров, тихо комментирующих происходящее. Джеймс и Брайан тоже не отреагировали, но кто-то сорвал с них рубашки через голову – даже уши запылали. Брайан с облегчением заметил, что платка Джилл на Джеймсе уже нет.

Один из раздетых мужчин встал, безвольно повесив руки вдоль боков, и помочился на матрас и соседа – тот лишь вяло перекатился на бок.

Медсестра бросилась к нему, отвесила подзатыльник – струя мочи тут же иссякла – и повела к ведрам в дальнем конце зала.

В этот момент Брайан поблагодарил судьбу за то, что несколько дней ничего не ел и не пил.

Открылась дверь в заднее здание, и въехала тележка с одеялами.

Простояла она долго.

Пол в зале не был холодным, но из-за сквозняка от входной двери Брайан весь покрылся мурашками. Пытаясь согреться, он свернулся калачиком.

Через какое-то время слышались стоны. Многие раздетые люди сильно тряслись. Две присматривавшие за ними медсестры раздраженно покачали головой и указали в сторону тележки. Значит, за одеялами надо идти самим. Пара сутулых, худых мужчин, не стесняясь, перескочили матрасы и выхватили из кучи одеяла, не вглядываясь, сверху они лежат или снизу.

Остальные с места не двинулись. Одурманенные, с помутневшим рассудком.

Так Брайан пролежал несколько часов. По мере того как усиливался холод, все сильнее стучали зубы. Медсестры украдкой задремали и клевали носом на скамейках в глубине помещения. Они давно предоставили лежавших пациентов самим себе. В тусклом свете Брайан едва различил съжившееся тело Джеймса среди остальных. Однако торчавший из-под матраса кончик платка Джилл он разглядел. «Пусть он там и остается!» – взмолился он. И вдруг Джеймс резко

вскочил и побежал к ведрам. Несколько секунд одно из них глухо звенело.

Испражнялся Джеймс всего какое-то мгновение, но на некоторое время в неудобной позе его задержали испорченный желудок, выступивший пот и остатки мочи. Фыркнув, он пошарил вокруг ведра, но бумагу так и не нашел.

Без дальнейших размышлений о гигиене Джеймс подбежал к тележке, схватил одеяло и проворно вернулся на свое место. «Идиот, что ж ты мне одеяло не взял?» – подумал Брайан, планируя последовать его примеру и украдкой поглядывая на женщин в униформе, дремавших у торцевой стены.

Но в итоге не стал.

Чуть позже ночью громко хлопнула дверь со двора – зажглись лампы на потолке, и помещение тут же наполнилось ослепляющим светом. Брайан лежал не шевелясь. Солдаты СС решительно двинулись к паре укутанных одеялами мужчин. Затем наклонились к ним, взяли их медкарты и оторвали уголок первой страницы.

Один из получивших такое клеймо лежал рядом с Джеймсом. Укрывавшее его тряпье оказалось одеялом Джеймса. Брайан засомневался, что сам он проявил бы подобную сообразительность.

Джеймс намеренно взял только одно одеяло...

Глава 7

Зал перебудила ночная проверка. Хотя большинство людей были в ночных рубашках, а в итоге и одеяла раздали, с каждым часом жалобы становились все громче. Заканчивалось действие лекарств.

Все больше людей пытались абстрагироваться от обстановки: раскачивались, принимали странные позы и сидели с застывшими лицами. Брайан никогда ничего подобного не видел. Сам он лежал абсолютно неподвижно.

Мужчины, которых он раньше не видел, зажгли в зале свет и бегло осмотрели лежащие на полу тела. На одном из мужчин было черное, полностью расстегнутое пальто, доходившее до лодыжек. Когда он топнул, все посмотрели вверх. По команде несколько пациентов нехотя поднялись и потянули соседей за рубашки, пока те тоже не встали. В итоге лежать осталось всего шесть-семь человек.

В сопровождении пары медсестер человек в пальто задал одному из лежавших вопрос, но ответа не получил. Он сделал знак рукой, и его помощники взяли больного под руки и поставили. Когда его отпустили, он снова упал, как тряпка, безвольно ударившись затылком об пол между матрасами с таким грохотом, что у Брайана перехватило дыхание. Опустившись на корточки, чтобы привести потерявшего сознание в чувство, медсестры смотрели на офицера снизу вверх,

но тот уже шел напрямиком к Брайану.

Взглянув в рассматривавшее его бледное лицо, Брайан решил встать на ноги.

Шатающаяся походка и слегка дрожащие колени выглядели правдоподобно, ведь последний раз он стоял семь дней назад. Кровь отхлынула от мозга, и голова закружилась. И тем не менее он не упал, когда его отпустили. Из семи человек его примеру последовал только Джеймс.

Началась болезненная процедура уничтожения вшей – Брайан попытался оказаться поближе к Джеймсу, но женщины безостановочно стучали резиновыми перчатками по резиновым фартукам, чтобы люди не останавливались.

Джеймс стоял в очереди возле отделанной плиткой и покрытой пятнами стены; как и все остальные, в руках он держал рубаху с номером и ждал, когда освободится душ. Один из обнаженных мужчин замер в кабинке, повернувшись ко всем спиной и подставив под струи воды открытые глаза. Через какое-то время он закричал от боли – вопли, подобно волчьему вою, распространились от одного сумасшедшего к другому.

Шум поднялся быстро, но так же быстро – с помощью ударов и угроз – был восстановлен порядок. Тот, кто все это начал, с красными глазами, постанывая, терпел побои и не осознавал, что происходит вокруг. Затем его за волосы выволокли из душа и припечатали к стене. Лишь когда на него

накинули смирительную рубашку и повели прочь, он затих.

Когда Брайан в последний раз видел Джеймса, прежде чем они снова оказались в зале, тот улыбался, напевал и даже не сопротивлялся, когда его толкнули под холодный душ с рубахой в руках.

В зале всем выдали ботинки одинакового размера и выстроили в три шеренги вдоль стен со шведскими стенками лицом к центру зала. Некоторых сразу отделили и собрали в группу у наружной стены. Среди них Брайан опознал тех, кто ночью отважился пойти за одеялом. Судя по всему, они своего особого положения не осознали.

Тем временем перед закутками поставили несколько столов. Тот мужчина, что пришел в пальто, освободился от своего наряда и сел с другими офицерами службы безопасности и одетыми в халаты представителями медицинской службы. Женщин среди них не было.

Услышав свое имя, встрепенулся один из пациентов. К комиссии его вытащил солдат. Назвали еще несколько имен – никакой реакции не последовало, после чего офицер безопасности сверился со списком и назвал номера – насколько Брайан мог судить, они совпадали с номерами на рубахах. Брайан горячо желал понять, какие именно. Слушал он внимательно. У него закружилась голова – и тут офицер указал на него, а солдат потащил его в очередь.

Имя Джеймса назвали в числе последних. С обыкновен-

ной прусской тщательностью больных вызывали в алфавитном порядке. Ему тоже пришлось выйти вперед.

В среднем каждый пробыл за занавеской две-три минуты, потом пациентов снова выводили и строили у задней стены в шеренги – в той же последовательности. С виду они не пострадали, но стояли неестественно прямо, с ничего не выражающими серыми лицами.

За занавесками слышалось бормотание, шелест и шум. Поводов для волнения не было. Ответы одного из пациентов напоминали резкие приказы – несколько ожидавших пациентов послушно свели пятки вместе и выпятили грудь.

За тускло-зеленой занавеской офицер за шатким столом читал медкарту Брайана, стоящий рядом врач заглядывал ему через плечо. Солдат, который его привел, подтолкнул Брайана к стулу перед столом и торопливо отступил за занавеску. По мере того как палец офицера пробежал по строчкам медкарты, в закутке постепенно менялось отношение к Брайану. Ему кивали, уважительно обращались и снова кивали – Брайан в это время пытался унять беспокойство и страх, которым уже поддавалось тело. Хоть эти люди ему и улыбались, в следующую секунду они вполне могли превратиться в его убийц.

Заданные вопросы повисли в воздухе. Офицер безопасности побарабанил пальцами по краю стола и посмотрел на врача – тот схватил Брайана за запястье и пощупал пульс.

Затем посветил фонариком в глаза, шлепнул сбоку по голове и снова посветил. Брайана сковало, и он даже не заметил, как врач зашел ему за спину. От резкого хлопка — появившиеся сзади ладоши хлопнули прямо у него перед глазами — он заморгал и тут же поднял плечи — зашевелилась вся верхняя часть тела. Однако наблюдателям это необычным не показалось.

Врач встал позади офицера — тот вновь поднял глаза от бумаг, повернулся, схватил что-то со стола и одним движением перебросил Брайану. Даже если бы он и попытался, защититься у него бы не получилось. От боли в переносице он широко распахнул глаза.

Больше он даже не шелохнулся.

Из соседнего закутка послышался удар, пациент застонал, затем еще один — пациент умолк. Офицер службы безопасности снова улыбнулся Брайану и принялся совещаться с врачом, тараторившим с такой скоростью, что Брайан не понял бы ни слова, даже если бы говорили на его родном языке. Когда Брайана выводили к остальным, офицер пожал плечами и встал.

Он оказался прямо перед Джеймсом — тот пока стоял в небольшой очереди. Влажная рубашка прилипла к телу. Под самым вырезом обозначилось темное пятно. Брайан застыл. Джеймс опять надел платок Джилл. Совершив этот безумный и чрезвычайно опасный поступок, с виду Джеймс расслабился и казался спокойным. Но Брайан хорошо его знал.

В глубине души, за фасадом, его переполнял страх. Все чувства приведены в боевую готовность. Без своего талисмана ему уцепиться не за что. А если от него не избавиться, он же послужит его гибели.

«Все нормально», – одними губами объяснил Брайан, но Джеймс лишь тихо помотал головой и, как и остальные, сделал шаг вперед.

Наконец со своего места встал главный офицер и жестами приказал небольшой группе в углу – тем, кто взял ночью одеяла, – выстроиться к закутку у самой двери.

Раздававшиеся за занавеской яростные вопли долетали до потолка, и ткань затряслась, как будто там дрались. Старший офицер службы безопасности весь побагровел; занавеску сдернули и опрашиваемого потащили по полу: он волочил ноги, в лице отражалась мука.

Подошедшие дежурные взяли мужчину под руки. Дерзкий пациент дико таращился на вялых людей, напрасно ища, за кого бы зацепиться. Брайан посмотрел на него, не фокусируя взгляд. От волос по лбу текла кровь. Его тоже ударили каким-то предметом. Наверное, он совершил ошибку, попытавшись защититься.

Старший тяжело опустился на угол стола позади, злобно усмехаясь дежурным, протаскивавшим пациента между остальными – так, чтобы его все увидели вблизи. Затем ухмылка исчезла. Он сделал глубокий вдох, собрался с силами и обрушил гневные обвинения на выстроившихся рядами

мужчин – те беспокойно заерзали. Слова выскакивали очередями, а взбешенный офицер стоял, заложив руки за спину и привставая на мыски. Но одно слово не понять было просто невозможно.

Симуляция!

Услышав обвинение, пациент унял дрожь и опустил голову – он осознавал свою вину и, пойманный с поличным, готовился ее искупить.

Вдруг офицер перестал гневаться и с улыбкой добродушно раскинул руки в стороны, обращаясь к своим слушателям. Брайан понял, что тот уговаривает признаться других симулянтов, если таковые есть. Им ничего не будет – надо лишь сделать шаг вперед, пока еще есть время.

Пока этот зверь их разглядывал, у Брайана не было возможности посмотреть на Джеймса. «Джеймс, мы себя не выдадим!» – умолял про себя Брайан, обращаясь, однако, больше к себе самому.

Все то время, за которое Брайан успел прочитать «Отче наш», офицер стоял, улыбаясь и кивая. Вдруг он резко шагнул за спину обвиняемого, вынул из кобуры пистолет и выстрелил ему в затылок – тот даже крикнуть не успел.

Присутствующие почти никак не отреагировали. Сначала кровь хлынула из затылка, а потом медленно потекла по полу к Джеймсу. Брайан смотрел на нее украдкой. Джеймс даже не пошевелился, только побледнел – это вполне можно было объяснить тем, что он долго простоял на ногах.

Двое дежурных взяли труп и поволокли по полу. Один врач в халате, не сразу осознавший происшедшее, прижимал ладони к лицу. Когда он успокоился, его протесты казались далекими и вялыми. Офицер безопасности, словно волчок, развернулся на каблуках. Рапорта по этому происшествию не будет. Протесты не рассматриваются.

Когда Джеймс оказался за занавеской, Брайан стал отсчитывать секунды. Когда он почти добрался до двух сотен, Джеймса вывели наружу – отстраненного, скованного. Следующий в очереди пациент стоял спокойно, не обращая внимания на оклики придерживавшего занавеску врача. Когда солдат попытался взять его под руки, он рухнул вперед. Вместо него дежурные схватили следующего и потащили в обход лежавшего – тот, повернувшись на бок, тихонько стонал и, как в бреду, цеплялся за одно имя, Брайан его уже слышал. Возлюбленная, жена, мать или дочь?

Джеймс в нескольких шагах от него снова стал напевать – медленно и невыразительно. Его тщедушный сосед с красными глазами, одетый в смирительную рубашку, о чем-то задумался, а с постепенно темнеющей рубашки капала моча.

Брайан решил, что тот, должно быть, слишком жадно глотал в душе воду, когда пялился вверх.

Очнулся он резко. Кто-то закричал: «Оставьте меня в покое!» Может, он сам и кричал, раз все понял? От одной этой

мысли по телу Брайана пробежал холодок – он посмотрел в сторону медсестры, совсем недавно стоявшей возле его кровати. Значит, отключился он всего на мгновение. Медсестра налила еще один стакан воды и вложила в рот его соседу две таблетки. Она ничего не слышала. Наверное, сон.

В палате было тихо. Брайан осторожно огляделся и проклял тот момент, когда они с Джеймсом оторвались друг от друга по дороге из барака. Сейчас они бы хоть рядом лежали. Несомненно, так было бы безопаснее. Брайан лежал в пятой кровати слева от двери, а Джеймс – в самой глубине, у противоположной стены. Двенадцать кроватей на стороне Брайана, десять – на стороне Джеймса. Судя по размерам помещения, шесть кроватей тут лишние.

Между кроватями было всего полметра, между кроватью и стеной расстояние было разное; часть кроватей стояла напротив окон, часть – напротив стены, но в основном – как придется. Создавалось впечатление беспорядка.

Весь его мир сузился до светло-зеленого помещения с высоким потолком, двадцать метров в длину и десять в ширину. Помимо кровати, все его земное богатство составляли облупившийся стул – в проходе их было двадцать два, – ночная рубашка, пара тапок и тонкий халат.

Все кровати, за исключением четырех – их уже заняли находящиеся без сознания раненые, все в повязках, – заполнили солдаты с того же транспорта: им скомандовали лечь в ту кровать, возле которой они случайно оказались. Пара чело-

век улеглись в ботинках и испачкали постельное белье. Медсестры раздали лекарства: каждому скормили две таблетки, а затем дали воды из одной и той же кружки, которую наполняли из белого эмалированного чайника.

Медсестры уже обошли почти всех.

В первый раз еда пахла как-то непонятно, не очень заманчиво, но аппетит тем не менее проснулся. Брайан несколько дней не смел даже думать о еде, а теперь рот наполнился слюной – последние минуты ожидания превратились в пытку.

Лежавшие на жестяной тарелке комки напоминали сельдерей, но оказались безвкусными. Может, это брюква была – Брайан не знал. В семье Янг привыкли питаться по-другому.

По помещению, словно пожар, расползлись жадный скрежет ложек и звук жующих челюстей, почти звериный. Брайан понял, что у людей притупились не все чувства.

На краю кровати Джеймса, угрожающе пошатываясь, уже стояла пустая тарелка. Тяжело поднимавшаяся и опускавшаяся грудная клетка и расслабленное выражение лица – явное доказательство невероятного человеческого умения приспособиться. Брайан завидовал тому, как спокойно Джеймс спал. Его самого так и не отпустил страх, что он выдаст себя во сне. Одно слово – и все закончится, как у того бедолаги в спортзале. Он теперь в снегу между бараками лежит.

Они проходили мимо и видели его.

К пресной брюкке добавился сладковатый привкус, и мыс-

ли Брайана прервало усиливающееся головокружение. Подействовали таблетки.

Он уснет – не важно, хватит у него смелости или нет.

Сосед справа лежал на боку, уставясь на подушку Брайана мертвыми глазами. Из-под одеяла без конца доносились приглушенные звуки, – судя по всему, он, сам того не осознавая, пускал газы.

Это было последнее ощущение Брайана перед тем, как он провалился в сон.

Глава 8

В День памяти героев им дали послушать речь Гитлера. За те два месяца, что они провели в больнице, подобное случилось впервые. По такому случаю включили отопление и зажгли все лампы на потолке. Санитары протянули по центру комнаты провода к маленькому громкоговорителю на столе у торцевой стены.

В ожидании все загудели, без конца переминались с ноги на ногу, покачивались и расхаживали по комнате. Во время речи фюрера большинство медсестер сложили руки на груди и улыбались, зачарованно слушая его. Сосед Брайана слева пробыл в сознании всего пару дней и ничего не понимал, а вот взгляд лежавшего справа приобрел еще большую дикость, и он начал хлопать в ладоши, пока все это не прекратил санитар.

Брайан впервые побывал на сеансе электрошоковой терапии всего лишь день назад. Поэтому привести в порядок мысли стало сложнее. Его все эти восхваления сбивали с толку. Как вообще можно понять, что там выкрикивает искаженный металлом истеричный голос? Шоковая терапия затмила даже воскресный концерт по заявкам в честь оставленных жен, молодоженов и юбиляров.

Но людям концерт нравился, они махали руками и улыбались. Музыка из оперетты и фильмов, Цара Леандер и «Es

geht alles Vorüber»². В такие дни казалось, что война и не начиналась.

В остальные дни сомнений не возникало.

«Все пройдет!» Брайан заставил себя так думать, когда его в первый раз вывели в коридор через полосатую стеклянную дверь.

В процедурном кабинете побывали уже многие. Возвращались они вялыми и зачастую потом несколько часов лежали без признаков жизни, но затем приходили в себя, – судя по всему, ничего страшного с ними не случилось.

Всего в коридоре было шесть дверей, помимо двери палаты, – ее Брайан видел только снаружи. В торцах коридора располагались выходы, в самом конце слева – комната отдыха медсестер и обслуживающего персонала. Затем шла дверь в процедурный кабинет, а следом еще две двери, – как предполагал Брайан, помещения за ними предназначались для врачей.

В предпоследнем помещении его ждали несколько медсестер и врачей. Не успел он что-то понять, как его грубо привязали кожаными ремнями, сделали укол и подвели к вискам электроды. Удары тока мгновенно его парализовали, и на несколько дней все ощущения притупились.

Обычно серии лечебных процедур состояли из одного сеанса шоковой терапии в неделю на протяжении четырех-пя-

² «Все проходит» (нем.).

ти недель, затем делали перерыв. Пока Брайан не мог сказать, когда процедуры повторятся, но основания на то имелись. Во всяком случае, у первых пациентов после месячного перерыва началась новая серия. Во время перерыва их кормили таблетками. Всегда одними и теми же, каждому давали одну или две в день.

Брайан боялся того, что способно сотворить с ним подобное лечение. Картины, за которые он раньше цеплялся, медленно блекли. Меркли и притуплялись представления о том, как он вновь увидит своих близких, поговорит с Джеймсом или просто прогуляется без всякого надзора под серым проливным дождем. Память его разыгрывала: то к нему приходили детские воспоминания о соседней улице в Дувре, а то на следующий день он не мог вспомнить, как сам выглядит.

План побега расстроился еще до того, как полностью сложился.

Аппетит тоже падал. Когда Брайан разглядывал себя раз в неделю под душем, он видел, как у него все сильнее выпирают тазобедренные суставы, а верхнюю часть тела портят торчащие ребра. И дело не в том, что еда ему не нравилась – временами она даже была вкусной: картофельные блинчики и гуляш, суп и консервированные фрукты, – просто аппетита не было. Сеансы электрошоковой терапии закончились, и тело кричало, требуя энергии, но Брайана могло вырвать от одной мысли об утренней овсяной каше и куске ржаного хлеба с маргарином. К тарелке он даже не притрагивался, а

его никто и не заставлял. В себя впихнуть он мог только вечерний бутерброд с остатками ужина, а иногда сосиску и сыр – если времени хватит.

Джеймс лежал в своем углу: шли дни, а он слушал, спал и теребил платочек Джилл, постоянно лежавший рядом – под матрасом, под простыней или под его ночной рубашкой.

Первые пару недель они не вставали с кроватей, но постепенно пациенты стали сами ходить в туалет, и ждать медсестер с суднами приходилось гораздо дольше. Брайан пополнил свой словарный запас фразой «Schieber, Schieber»³; но невыносимым становилось ожидание, пока в санитарной комнате задребезжит крышка, а на одеяло наконец приземлится эмалированный сосуд.

Первым встал Джеймс. Как-то утром он пошевелил пальцами ног и стал ходить от кровати к кровати, собирая на тележку оставшуюся после завтрака посуду. Брайан задержал дыхание. Он идеально играл роль – передвигался мелкими прыжками, сползшие гетры едва прикрывали лодыжки. Руки судорожно прижаты к телу, двигался он неуклюже, шея окаменела – ему пришлось поворачиваться всем телом каждый раз, когда взгляд замечал что-то новое.

Брайана подвижность Джеймса обрадовала. Так они скоро смогут побеседовать.

Через несколько дней от этого занятия Джеймса отстранил сосед. Как только Джеймс зашевелился, крупный муж-

³ «Судно, судно» (нем.).

чина, весь в оспинах, вылез из кровати и тихо встал, наблюдая за уборкой. Затем он взял Джеймса за плечо и пару раз погладил по волосам, после чего уверенно и решительно довел Джеймса до его кровати и мягко подтолкнул его голову к подушке. Отныне медсестрам помогал тот самый рябой пациент: когда представлялась возможность, он бродил и ухаживал за прочими.

С Джеймса он буквально глаз не спускал: если у него ночью падала с кровати подушка или во время обеда появлялись крошки на одеяле, он вставал с кровати, чтобы все поправить.

Изначально он лежал напротив Брайана. Но в тот день, когда одного из соседей Джеймса увезли в морг, рябой по собственной инициативе перешел на его место. Кто-то из молодых медсестер пытался вернуть его на прежнее место, а он жалобно скулил и хватал их за руки своими огромными ладонями. Когда наконец пришла старшая медсестра, он спокойно спал в новой постели.

В итоге его там и оставили.

После неудачной попытки найти себе занятие Джеймс начал вставать только умыться или в туалет.

Когда Брайан впервые сам встал с кровати, после сеансов шоковой терапии миновала пара дней.

Он, как всегда, мыл руки и лицо – в его семье эту процедуру в шутку называли «высокий воротник и длинные рука-

ва», – и тут голова закружилась, его стало тошнить. Опрокинулся таз с мыльной водой, и кусок мыла из чистящего порошка с опилками упал на пол и рассыпался. В этот момент в палату вошла одна из самых косных медсестер. Вместо того чтобы ему помочь, она стала ругаться из-за воды, растекающейся по полу темной лужей. Затем потащила его в противоположный конец палаты, подальше от процедурных, – Брайан по дороге едва не упал и оставлял на свежевывитом полу лужицы рвоты.

В выложенное белым кафелем помещение свет попадал из большого, завинченного болтами окна – оно обрамляло другие здания на фоне заснеженных утесов. Не тратя времени на разговоры, медсестра заперла его в туалете. Брайан тяжело опустился на колени перед унитазом и с глухим стоном вывалил остатки дурноты. Когда утихли спазмы в животе, он сел на холодный фаянсовый унитаз и осмотрелся.

Окон в туалете не было – хватало света над дверью. Исследовав все мелкие трещины и царапины, Брайан растянулся на полу и постарался осмотреться получше. Перегородка держалась на ржавых металлических прутах, утопленных в цементный пол, за ней находился еще один туалет, а дальше – кирпичная стена. Узкая дверь в противоположной стене вела в кладовку – оттуда медсестры носили постельные принадлежности, а уборщица прятала там метлу и ведро. Брайан видел, как туда-сюда носят инвентарь и белье. В углу, должно быть, ванная, а дверь рядом с окном, наверное, ведет в

санитарную комнату.

Обратно в палату его привели перед самым обходом и с улыбкой потрепали по щеке – он не мог не улыбнуться в ответ.

С тех пор Брайан начал вставать с кровати по несколько раз в день. В первый день он попытался заговорить с Джеймсом и пошел за ним, задержавшись лишь на какие-то секунды, когда тот решил сходить в туалет. Но толку было мало. Какой бы удачной ни была представившаяся возможность, Джеймс торопливо уходил в противоположном направлении, едва заметив Брайана.

Появлялись и другие случаи: как правило, после проверки в середине дня, когда в палате царил относительный покой, Брайан, прохаживаясь, пытался переглянуться с Джеймсом, но безуспешно.

В итоге Джеймс начал вставать с кровати, только когда Брайан спал.

Он просто-напросто не хотел иметь с Брайаном ничего общего.

Глава 9

В том, что время текло не как положено, виноват был Человек-календарь. Так Брайан звал пациента, лежавшего с ним в одном ряду, напротив Джеймса. Его-то короткие ноги и болтались над носилками Брайана во время поездки в грузовике. Веселый, молчаливый, постоянно лежавший в кровати человек, чье единственное занятие – нацарапать сегодняшнее число на собственной медкарте. Долгое время медсестры злились и наказывали его, уменьшая порции еды и рассказывая врачам вымышленные истории во время обхода, – те решили, что он буйный, а потому обошлись с ним крутовато. В итоге иногда после сеанса шоковой терапии у него начинались судороги – он весь выгибался в постели, как лук.

Спасение пришло к нему благодаря прибытию новой группы пациентов: в один прекрасный день они прошагали по двору к расположенному в глубине комплексу зданий. Сопровождали их три молоденькие медсестры – они сменили нескольких наиболее ретивых мучителей Человека-календаря. Через несколько дней самая хрупкая из этих девушек – чуть моложе Брайана с Джеймсом – выдала ему маленький блокнот с шершавой серой бумагой и вбила над изголовьем кровати гвоздь без шляпки, – таким образом, все проходящие мимо могли лицезреть его каждодневный труд.

Как Человеку-календарю удавалось отслеживать дни после шоковой терапии, Брайан понять не мог. Он лишь отмечал, что пропуски всегда – и с величайшей точностью – чудесным образом восполняются.

Хотя уже наступил апрель, в палате было сыро, и пациентам разрешали по ночам укрываться двумя одеялами. Носки Брайан никогда не снимал, стараясь получше укутаться от сквозняков, гулявших у внутренних ставень и вдоль изголовий. В последнее время многие подхватили простуду – лежали в постелях, дрожа и кашляя.

Вообще говоря, тот самый рябой пациент редко обращал внимание на холод, но тем вечером он подошел к Брайану уже в третий раз и укутал одеялами. Снаружи чуть-чуть унялся ветер, и в палате стало тихо. Лежавший с закрытыми глазами Брайан почувствовал, как огромные ладони аккуратно подтыкают одеяло и, словно кошачьи лапки, тихонько глядят его по лбу. Потом он осторожно потрепал Брайана по щеке, как ребенка, пока тот не открыл глаза и не улыбнулся. И вдруг рябой неожиданно прошептал ему на ухо несколько слов – у великана даже выражение лица на мгновение изменилось. Чуткий, осмысленный взгляд моментально запечатлел все черты Брайана, а затем вновь расплылся. Потом он повернулся к соседу Брайана, потрепал его по щеке и сказал: «Gut, gu-u-ut!»⁴

⁴ «Хороший, хоро-о-оший!» (нем.)

В конце концов он уселся на стул в проходе и уставился в сторону Джеймса. Два пациента – они лежали рядом с рябым – подняли голову; их силуэты четко выделялись на фоне окна и сиявшего за ним лунного света. Они тоже посмотрели в сторону вытянувшегося на постели Джеймса.

Брайан скосил глаза на кончик носа, но вот его взгляд блуждал по комнате. Насколько ему было видно, в палате все спали. Периодически до него доносилось свистящее эхо, а затем тени снова опустились на постели. Снова послышался шепот – Брайану стало неудобно, а сон ушел.

Так что же он слышал: тихий шепот или это от ветра дребезжали оконные стекла?

Наутро рябой все еще сидел на стуле. Пока все спали, в палату пробрался пациент, бривший их через день: при виде товарища, храпевшего с опущенной головой, его разобрал хохот – к нему тут же бросилась дежурная медсестра и увела в его палату. Она отвесила рябому подзатыльник и покачала головой, когда тот попытался ее умиловить, убежав за ее фартуком.

Затем она, уже совсем проснувшись, вздохнула и приступила к обычным делам.

Кому-то из пациентов становилось лучше. Сосед Брайана смотрел уже не так пристально и без прежней апатии, он стал спокойнее, и медсестры постоянно хлопали его по плечу – с ними время от времени он пусть отрывисто, но все же раз-

говаривал. Кто-то из пациентов начал вставать с постели – эти чаще всего сидели за столом в дальнем конце палаты и рассматривали яркие журналы санитаров: любовь, романтика, альпийская идиллия. Иногда два санитаря постарше собирали небольшую компанию и играли в карты.

Постепенно днем стало выглядывать солнце, и все больше пациентов вставали и смотрели в окно, на веселящихся, играющих людей из других корпусов больницы. Солдаты СС с обычными ранениями играли в ножички, камешки, мяч или чехарду. Скоро их выпишут.

У Брайана получалось следить за всем происходящим во дворе – надо было только сесть у изголовья, поджав ноги, и вытянуть шею. Так он мог просидеть часами, глаза на небо над смотровыми вышками у ворот, холмы и леса за ними.

А еще в такой позе он мог дотянуться до верхушек стоек кровати, осторожно снять с них деревянную заглушку и затолкать свои таблетки в металлические трубки изголовья. Когда сеансы шоковой терапии закончились, он старался не глотать таблетки, которые совали ему в рот. Одну он иногда проглатывал, а порой таблетки успевали частично раствориться, прежде чем у него появлялась возможность выплюнуть их в ладонь; но все получилось так, как он и рассчитывал. Постепенно голова у него прояснялась. Появилось желание сбежать.

Из всей массы рассеянных сумасшедших лишь один человек видел, как он прячет таблетки в ножке кровати. Тот

самый, кто в первый день смотрел прямо в жалящие струи душа. Вначале этот тощий мужчина постоянно себя истязал и поэтому по большей части лежал в смиренной рубашке, парализованный действием лекарств. Теперь, через три месяца, он всегда лежал тихо как мышь, положив руки под щеку, поджав ноги и таращась на остальных. Брайан почувствовал на себе его взгляд в ту секунду, когда запихивал таблетки, – ответом ему стала веселая улыбка. Позже Брайан прошелся вдоль кроватей и остановился у постели этого человека. Черты лица разгладились, а когда Брайан склонился над ним, он его как будто даже не узнал.

Пока весна безуспешно пыталась растопить двор и оживить тени, Брайан изучил каждый сантиметр раскинувшейся перед ним панорамы.

Их корпус располагался ближе всего к скалам, окна выходили на запад. Заходящее солнце оказывалось прямо между смотровыми вышками и отбрасывало бледно-красные лучи на лежащие перед ним здания. Слева, на юге, находилась кухня – за ней лучше всего было наблюдать из окна возле ванной комнаты. Чуть дальше на юго-западе – бараки поменьше, где жили часовые и охрана. Прямо из окна Брайан видел фасад здания для медперсонала. У входа частенько останавливались пары – появлялась возможность увидеть, сколько сил молодые врачи тратили на то, чтобы затащить медсестер в постель. Кажется, им это не удавалось, из-за чего

зрелище казалось забавным, а действующие лица – попросту нелепыми, но, что любопытно, человечности им происходящее не добавляло.

Здание на севере – оно располагалось параллельно, но не вровень с их корпусом – загораживало спортзал и территорию за ним. Даже некоторые отделения, находившиеся чуть дальше, почти целиком скрывались за острыми желтыми углами.

Вдоль забора круглые сутки ходили часовые и патрульные с собаками. Пройти на территорию госпиталя разрешали очень немногим гражданским лицам – и только в сопровождении офицеров службы безопасности или просто солдат СС.

В первые долгие недели Брайан боялся возможной встречи с родственниками того, чье имя присвоил. Но хоть в отделении лежало полно людей, кому знакомое лицо могло бы значительно ускорить выздоровление, к ним никто так и не приехал. Они оказались в изоляции – никому не хотелось говорить об их существовании, а тем более состоянии. Уму непостижимо, зачем их вообще в живых оставили.

Брайан ни разу не видел, чтобы Джеймс смотрел в окно. С начала апреля он редко выбирался из постели, и, судя по всему, лекарства притупляли его разум.

За территорию выехало три грузовика, и ворота снова захлопнулись. «Вот бы сесть в один, доехать до Померании, а

потом домой», – мечтал Брайан. Вскоре за верхушкой холма затих гул двигателей, и машины скрылись в долине. Встав рядом с кроватью Брайана, широколицый сосед рябого молча разглядывал часовых. У него дрожали ноги и безостановочно шевелились губы. Он с самого первого дня вел с самим собой беззвучную беседу – Брайан несколько раз видел, как рябой и второй сосед широколицего склоняют ухо к его рту. Их терпеливые лица выражали надежду. Потом они обычно качали головой и хихикали, как глупые детишки.

Лишь подумав об этом, Брайан засмеялся и стал рассматривать непрерывно шевелящиеся губы. Мужчина повернулся – из-за безумного взгляда лицо казалось еще более забавным. Сдерживая смех, Брайан зажал рукой рот. Затем рот на секунду замер, и мужчина ему улыбнулся. Более широкой улыбки ему видеть не доводилось.

Глава 10

Из коридора слышался вальс. Утром к ним приходил брадобрей, хоть он уже и побывал у них накануне, – тщательно, как никогда, выбрил их щеки. Как обычно, один из санитаров, ветеран Первой мировой, стукнул ботинком со стальной набойкой по ножке ближайшей кровати – знакомый сигнал, что пора в ванную. Привычный уклад нарушился, и Брайан растерялся и занервничал.

И не только он.

Большинство дежурных медсестер улыбались, протягивая пациентам кипенно-белые выстиранные халаты, и поторапливали их, чтобы те быстрее приводили себя в порядок. Офицер службы безопасности – тот самый, что застрелил в спортзале симулянта, – при полном параде, широко расставив ноги, стоял в дверях, разглядывал их, властно и почти дружелюбно кивал. Пациенты в это время выстроились в шеренгу перед кроватями. Потом началась перекличка. Кто-то на оклики вообще никогда не реагировал. К таким Брайан уже давно не относился.

– Арно фон дер Лейен, – произнес офицер безопасности.

Брайан вздрогнул. Почему он первый? Поколебавшись, он подчинился, когда подошедшая медсестра взяла его под руку.

Офицер службы безопасности щелкнул каблуками и вы-

тянул руку в нацистском приветствии – перекличка продолжалась, а мимо него двигалась необычная процессия. Осталось всего несколько человек, только что вернувшихся с сеанса электрошоковой терапии, в том числе и Джеймс.

Сначала Брайан нервно озирался. Позади него оказалась группа из семнадцати-восемнадцати человек, кого еще вполне можно было назвать сумасшедшими. За ними наблюдали уже больше трех месяцев. Что с ними теперь делают? Переведут в другие отделения или госпитали или, может быть, отсеют? И почему его вызвали раньше всех остальных? Офицер безопасности, чьи сапоги стучали по каменному полу, медсестры и санитары, шедшие с обеих сторон, ему не понравились. Наверное, даже хорошо, что Джеймс не с ними.

Строй прошагал мимо процедурной, помещения, где проводили сеансы электрошоковой терапии, комнаты врачей; миновали дверь, в которую пациенты зашли в самый первый день и с тех пор больше ни разу через нее не проходили. Уже на лестнице поднялся переполох: несколько пациентов встали у стен, прижимая руки к телу. Они не хотели никуда идти. Медсестры смеялись и тянули их, пытаясь со всеми разговаривать ободряюще и с улыбкой.

День выдался погожий, но была еще только вторая половина апреля, и в горах висела пронизывающая, промозглая влажность. Брайан шел, опустив глаза, разглядывая свои носки и тапки и пытаясь незаметно обходить лужи и грязь

на разбитом колесами дворе. Увидев, что их группу ведут к спортзалу, он запаниковал.

Во главе группы, всего в шаге от Брайана, шел офицер СС. Тяжелая, дразнящая кобура болталась на ремне всего в паре сантиметров от руки Брайана. Он вообще успеет его схватить? И куда потом бежать? До забора за спортзалом больше двухсот метров, а совсем неподалеку болтали часовые – больше, чем Брайан раньше видел.

Они прошли бараки.

За спортзалом оказалась большая открытая площадь. Брайан увидел стоявшие вдоль газона строения – раньше он мог их лишь вообразить. Здание, расположенное параллельно спортзалу, две палаты и несколько зданий с маленькими окнами и коричневыми двустворчатыми дверями, где, наверное, помещалась администрация. Группа остановилась у низкого деревянного коридора, связывающего спортзал и здание за ним, и офицер безопасности ненадолго оставил их одних.

«Восход солнца я вижу в последний раз», – подумал Брайан, глядя на мелькающий в верхушках елок свет и строй мужчин, стоявших спиной к стене. Среди них возвышался рябой – стоял он навывтяжку, запрокинув голову.

С ними был и тот парень с широким, пластичным лицом, бормочущий никому не слышные слова. От звука шагов Брайан подпрыгнул, а губы соседа почти перестали шевелиться.

Первые яркие лучи света озарили площадку сзади, из-за чего черная и зеленая униформа приобрела помпезность, изящество и благородство – Брайан ожидал совершенно другого. Карнавал орденов, железных крестов, сияющих лент и лаковых сапог – представления об отряде палачей померкли. Повсюду – символы СС и черепа. Все рода войск, солдаты всех возрастов, всевозможные ранения. Марш раненых – собрание повязок, перевязей, костылей и тростей.

Доказательство для воинской элиты: войну бескровно не выиграешь.

Солдаты беседовали, разбившись на мелкие группки, и медленно двигались к флагштоку посреди площади. За ними – медсестры, толкающие перед собой инвалидные коляски с солдатами. А последними по плитке с грохотом катились кровати на огромных колесах – замыкали шествие потные санитары.

На свежем воздухе было ужасно холодно – одежды-то на них было совсем мало, только ночная рубашка да халат. У соседа Брайана застучали зубы. «Это не твое дело», – думал Брайан, глядя на флаг со свастикой. Поднимали его в полной тишине и с почтительным нацистским приветствием.

Стояли они в северо-западной части территории. Брайан наклонился в сторону, как будто засыпая, и заглянул за угол здания. Отсюда можно было рассмотреть кирпичное здание поменьше, у самых скал. Вероятнее всего, больничная часовня. С противоположной стороны, на западе, у самого за-

бора, виднелись еще одни ворота – по бокам стояли часовые, вытянув руку в приветствии и глаза на происходящее.

Вытянутые руки указывали на флаг, и все вокруг хором восторженно запели «Песню Хорста Весселя» – из зашелевших кустов взлетели птицы.

Из сумасшедших не пел никто – те что-то бормотали или просто стояли, смущенно озираясь. Площадь наполнили эхо и мощь множества голосов, а в воздухе витали опьянение и решимость – флаг выглядел внушительно. От гротесковой красоты происходящего Брайан оцепенел, и, лишь когда открыли портрет фюрера, он сообразил, зачем их здесь собрали и побрили в неурочное время. Закрыв глаза, он представил листочек бумаги, висевший над кроватью Человека-календаря. Вчера было 19 апреля, значит сегодня 20-е – день рождения Гитлера.

Офицеры крепко прижимали к себе фуражки. Несмотря на ранения, стояли они прямо, как статуи, уважительно глядя на портрет. Резкий контраст с карикатурами на Гитлера, которыми были увешаны казармы Королевских ВВС: к ним пририсовывали всякое, делали нецензурные подписи, в них кидали дротики.

Иные из закаленных воинов от счастья совсем ошалели: прикрывая глаза от утреннего света, они устремили взгляды на флаг, одурманенные его красотой и собственными чувствами. Брайан изучал территорию за их спинами. За проволочным забором – по длинной стороне территории госпи-

тая – был еще один. Какая-то жалкая защита: грубые жерди, обвитые колючей проволокой. Тропинка – когда-то забор поставили вплотную к ней – сначала бежала параллельно ему, а затем ускользала вдоль утесов, вероятно, в горы. Слегка повернув голову, Брайан вновь посмотрел на запад, за спины беседовавших часовых.

Бежать он хотел в ту сторону. Через первый забор и под вторым, по дорожке и вдоль ручья – он тек параллельно ей, – а дальше вниз, к железной дороге, протянувшейся вдоль Рейна до самого Базеля.

Идти вдоль железнодорожных путей на юг – а там он рано или поздно доберется до швейцарской границы.

Как ее пересечь, там будет видно.

Шестое чувство заставило Брайана повернуться и посмотреть рябому прямо в глаза. Едва встретившись с ним взглядом, великан тут же опустил голову. В его взгляде сквозило что-то цепкое. За рябым надо приглядывать, причем как можно незаметнее. Брайан снова перевел взгляд на забор.

Не очень-то высоко, прикинул он.

Если получится расшатать флагшток у нижнего болта, его можно перекинуть через забор как мостик. Стекающие по здоровенным гайкам сгустки ржавчины навели его на другие мысли. Будь у него гаечный ключ, все получилось бы. Все решали мелочи. Незначительные вещи и события, такие как случайная встреча с девушкой, неожиданные фразы, услышанные в детстве, удача, улыбнувшаяся в нужный миг. Вне-

запно возникающие отдельные фрагменты, в сумме образующие будущее и делающие его непредсказуемым.

Например, случайно появившееся пятно ржавчины на каком-нибудь болту.

Значит, придется перелезть через забор, изодрав себя в кровь о колючую проволоку на его верхушке. А еще ведь часовые. Одно дело – незаметно перелезть, а другое – потом уйти. В темноте хватит одной выпущенной наобум очереди из пистолета-пулемета. Снова вмешается случай. Он не мог отдаться на волю случая, если была возможность этого избежать.

Церемония завершилась короткой речью старшего офицера службы безопасности, говорившего с таким энтузиазмом, какого у его флегматичной особы и предположить было нельзя, затем прокатилась волна нацистских приветствий, казавшаяся бесконечной. Потом с площади медленно увезли улыбавшихся колясочников и лежачих больных – их распирало от гордости и любви к родине. Вероятно, они были уверены в том, что сделали все возможное и были в безопасности.

На ветру тихонько качались темные ели. Во время перехода в несколько сотен метров до здания на холоде разболелись суставы. Торопить кого-либо было бесполезно. «О себе заботься! – думал Брайан. – Постарайся не заболеть!»

Путь к побегу он наметил. Если он заболеет, они с Джейм-

сом до следующей серии сеансов электрошоковой терапии убежать не успеют. Значит, планировать надо тщательно и быстро. А еще – посвятить в планы Джеймса, хочет он того или нет. Без Джеймса надежный план составить не получится.

И без Джеймса – никакого побега.

Глава 11

Когда Джеймс пришел в себя после сеанса электрошоковой терапии, ему было паршиво. Каждый раз одно и то же. Во-первых, у него не было сил. Ослабло все тело. Притупились и смешались чувства. А еще пришли возбуждение, волнение, сентиментальность, жалость к себе и растерянность. Затуманился разум, не отступали страх и грусть.

Страх был строгим господином – это Джеймс давно понял, но со временем научился с ним жить и обуздывать его. Война подходила все ближе, вдалеке гремели бомбардировки Карлсруэ, и постепенно появилась хрупкая надежда на то, что этот кошмар когда-нибудь закончится. С неизменной осторожностью и не теряя бдительности, он пытался радоваться имевшимся в его распоряжении часам – тихо лежал и наблюдал за происходящим вокруг или погружался в мечты.

За прошедшие месяцы Джеймс абсолютно вжился в свою роль. Никто и не заподозрил бы в нем симулянта. Разбуди его в любое время – смотреть он будет пустыми глазами. Медсестрам он хлопот не доставлял: ел как положено, не пачкал постель, а самое главное – принимал таблетки, не выказывая ни малейшего недовольства. По этой причине он всегда медленно соображал, был вялым, а иногда и вовсе равнодушным.

Таблетки действовали на удивление эффективно.

Впервые оказавшись у врача-ординатора, Джеймс лишь кивал, когда тот повышал голос. Он ни разу даже пальцем не пошевелил, если ему не приказывали. Иногда медсестра читала вслух его медкарту – с разлинованных желтых страниц постепенно проступила присвоенная им биография. Если Джеймс когда и испытывал муки совести за то, что вышвырнул труп в окно, они испарились бы в ту же секунду, когда он узнал об истинной сущности своего спасителя.

Джеймс и его жертва были почти ровесниками. Человек по имени Герхарт Пойкерт невероятно быстро продвигался по службе, став в итоге штандартенфюрером полиции безопасности СС, кем-то вроде полковника. Поэтому в палате самое высокое звание было у него, за исключением Арно фон дер Лейена, на чьем месте оказался Брайан. В отделении он занимал особое положение. Иногда у него даже возникало ощущение, что некоторые пациенты его боятся или ненавидят, – сев на кровать, они холодно таращились в его сторону.

Этого человека не обошел стороной ни один грех. В любой ситуации Герхарт Пойкерт безжалостно устранял все возникающие перед ним препятствия и без колебаний наказывал всех, кто ему не нравился. Восточный фронт подошел ему идеально. В итоге несколько его подчиненных взбесились и попытались утопить его в той же емкости, где он же собственноручно пытал советских партизан или неугодное гражданское население.

В результате он долго пролежал в коме в полевом госпи-

тале. Никто и не ждал, что он придет в себя.

С теми, кто покусился на его жизнь, разговор был коротким: обмотали шею струной от пианино и задушили. Когда он все же очнулся, его решили отвезти домой, Heimatschutz, в объятия родины. Во время этой поездки Герхарт Пойкерт наконец расплатился за содеянное, а его место занял Джеймс.

В целом для палаты его случай был типичным. Высокопоставленный офицер СС, психически нездоровый, но при этом весьма ловкий слуга, чтобы просто его бросить. Обычно такие тяжелые случаи СС лечило одним способом: укол и гроб. Но пока оставалась надежда, что из самых высокопоставленных и преданных фюреру людей поправится хоть один человек, будет сделано все возможное и задействованы все имеющиеся средства. А пока для внешнего мира судьба пациентов оставалась тайной. Офицер СС не может вернуться домой сумасшедшим. Это деморализует людей, запятнает величие Германской империи и будет иметь другие нежелательные последствия: подрвет доверие к новостям с фронта, а кроме того – посеет в народе сомнение в неуязвимости героев. Опозорены будут офицерские семьи. Все это бесконечно внушал врачам офицер службы безопасности.

Он мог бы добавить: лучше мертвый офицер, чем скандал. Это обстоятельство в сочетании с тем, что офицеры СС с обычным ранением тоже считались элитой, превращало территорию больницы в стратегическую цель как внешних, так

и внутренних врагов, а потому из нее сделали крепость, в которую не проникнет ни одно нежелательное лицо. Уйти из нее могли лишь выздоровевшие пациенты и их сопровождающие.

В больницу продолжали поступать новые пациенты, хотя сумасшедших среди них больше не было. Вероятно, по ходу развития событий войны тихо пришло понимание: эти пациенты Третьему рейху принести пользу уже не успеют. После краха на Восточном фронте тратить время на какие-то эксперименты было уже невозможно.

В последнее время многим обитателям больницы стало значительно лучше – если бы кто-то после лечения продемонстрировал более скромные результаты, это бросилось бы в глаза. Джеймс перестал напевать и надеялся обойтись без новых сеансов электрошоковой терапии. Больше всего жесткий метод лечения влиял на концентрацию, а потому представлял угрозу самому важному занятию Джеймса. Откинув голову и закрыв глаза, он мысленно смотрел кино.

– Где сержант Каттер? – рявкнул сержант Хиггинботем.

– Он занят, – нехотя ответил с подоконника Виктор Маклаглен.

Он повернулся к Кэри Гранту, исполняющему роль сержанта Каттера, – тот лупил солдат, пытавшихся подняться по лестнице.

– Купить карту, на которой указано, где зарыты сокровища, – ха! Голову сначала проверь, – издевался Дуглас Фейрбакс-младший, демонстративно уперев руки в боки.

Кэри «Каттер» Грант отвечивал один удар за другим – солдаты с задранными килтами скатывались с лестницы.

– Можно было бы уйти из армии и жить припеваючи, а? – с горящими глазами усмехнулся он.

В то же мгновение ему на голову рухнул стул. Над ним стоял шотландец и, разинув рот, пялился на деревяшки, оставшиеся у него в руках. У Каттера выражение лица не изменилось.

– О, – произнес он, показывая пальцем на убежавшего, – вот кто продал мне карту!

Грант предостерегающе поднял руку в тот момент, когда Фейрбакс-младший уже хватал шотландца. Схватив горца за воротник, врезал тому один раз и вытащил в окно, вытянув руки.

– Эй там! – прогремел с низу голос Хиггинботема. – Отпусти его!

В этом месте Джеймс всегда старался вести себя поосторожнее, чтобы не расхохотаться в голос. Озираясь и сдерживая смех, он представлял себе, как шотландец летит вниз, а Кэри Грант с виноватым видом разводит руками.

«Ганга Дин» – один из любимых фильмов Джеймса. Обязательный пункт в расписании его воображаемого кинотеатра.

ра.

Когда он «смотрел» какое-нибудь кино, начинал обычно сначала и прокручивал весь фильм сцену за сценой, не упуская ни малейшей детали. События, которые на киноэкране промелькнули бы максимум за час, занимали его на целое утро или вечер. Погружаясь в сюжет, для внешнего мира он пропадал. Когда одолевали грустные мысли или страх, что родных он больше не увидит, подобное времяпровождение служило ему утешением.

Щедрая матушка часто давала ему и сестренкам несколько монет – во время воскресного дневного сеанса они занимали откидные сиденья кинозала. Немалая часть их детства прошла здесь, в мерцающем свете Дины Дурбин, Лорела и Харди, Нельсона Эдди или Тома Микса, – родители в это время прогуливались по городу и обменивались любезностями с другими горожанами.

Джеймс с легкостью вызывал в памяти сестер Элизабет и Джилл, хихикавших и перешептывавшихся, когда герой целовал героиню, и вопящий, горланящий зал.

Он не сошел с ума благодаря воспоминаниям, книгам и фильмам, которые успел проглотить в школьные годы. Но чем больше сеансов шоковой терапии он проходил, чем больше таблеток принимал, тем чаще замирал ход событий у него голове, вдруг остановленный дырой в памяти.

В данный момент он никак не мог вспомнить, как в фильме звали Дугласа Фейрбакса-младшего и Виктора Маклагле-

на. Но со временем вспомнит.

Как обычно.

Тяжело опустив затылок на подушку, Джеймс дотронулся до платочка Джилл под матрасом.

– Герр штандартенфюрер, может, встанете и хоть немного пройдетесь? Вы все утро дремлете. Вам нехорошо?

Открыв глаза, Джеймс увидел перед собой лицо медсестры. Она улыбалась и чуть привстала на цыпочки, чтобы просунуть руку под его подушку и поставить ее вертикально. На протяжении нескольких месяцев Джеймсу хотелось ответить ей или подать хоть какой-нибудь знак, что он выздоравливает. Однако он лишь отрешенно смотрел на нее – даже бровью не повел.

Звали ее Петра – единственное по-настоящему человеческое существо из всех, кого он там видел.

Петру как будто прислало само Провидение. Во-первых, благодаря ей остальные медсестры оставили в покое его соседа напротив, Вернера Фрике, и его календарь.

Во-вторых, она ввязалась в борьбу с парой медсестер: теперь так сильно не наказывали тех, кто мочился в постель или ел неаккуратно.

И наконец, она очень много внимания уделяла Джеймсу.

Он вызвал у нее симпатию еще при первой встрече – это было заметно. Ее заботу ощущали на себе и другие обитатели палаты, но только в изножье постели Джеймса она вставала, нежно и грустно улыбаясь, опустив плечи. Как она могла

что-то чувствовать к такому человеку, как Герхарт Пойкерт? Удивленный Джеймс предполагал, что она просто-напросто была наивной, почти лишенной воображения девчонкой и сразу после какой-нибудь монастырской школы выучилась на медсестру в Бад-Кройцнахе.

Очевидно же, что жизненного опыта у нее нет. Когда Петра говорила товарищам о профессоре Сауэрбрухе, своем наставнике и покровителе, глаза у нее светились от восхищения, а руки двигались быстрее и увереннее. А когда один пациент в ярости обругал всех последними словами, она быстро перекрестилась и только потом убежала за помощью.

С точки зрения Джеймса, самое очевидное объяснение расположения Петры – в том, что она юная, застенчивая, романтическая девушка с естественными потребностями, кроме того, она сочла его довольно симпатичным: белые зубы, широкие плечи. Война идет уже почти пять лет. Вряд ли ей было больше шестнадцати-семнадцати, когда буднями для нее стала суровая и тяжелая больничная жизнь. Как ей время от времени давать выход своим мечтам и фантазиям? Была ли у нее вообще возможность любить и быть любимой?

Джеймс ничего не имел против того, что пробудил в ней какие-то фантазии. Девушкой она была довольно милой и красивой. Подметивший это Джеймс пользовался ее заботой. Пока она впихивает в него еду после сеансов электрошоковой терапии и прикрывает окно, когда от сквозняка деревенеют мышцы шеи, тело его не подведет.

– Ну давайте же, герр штандартенфюрер! – продолжила уговоры она, стаскивая ноги Джеймса с кровати. – Так не годится. Вам же поправиться надо, правда? Значит, надо встать и походить!

Джеймс встал между кроватями и начал пробираться к центральному проходу. Петра кивала и улыбалась. Подобного рода особое отношение Джеймс ценил меньше. Из-за него к нему и другие медсестры относились внимательнее, а особое отношение чревато неприятными последствиями.

Однако атаки Джеймс ждал не с этой стороны. Все чаще и чаще в палате повисали настороженность и напряжение. У него это ощущение возникало внезапно, словно укол в плечо. А сегодня снова чувствовалось что-то не то. На проход Джеймс смотрел сквозь склеившиеся ресницы.

В тот день Брайан посмотрел на него уже в третий раз и попытался заговорить.

«Бога ради, Брайан, да хватит на меня так открыто пялиться!» – думал он, в то время как Брайан не сводил с него умоляющего взгляда. Петра взяла Джеймса под руку, как обычно, беседовала с ним о том о сем и тянула в другой конец палаты, к окну рядом с тележками. Джеймс заметил, как за его спиной Брайан с трудом пытается встать. Он не сдавался, хотя с предыдущего сеанса электрошоковой терапии прошли лишь сутки.

У хрупкой медсестры иссяк поток слов, когда Джеймс опять потянул ее к кровати. Не надо ему оказываться в од-

ном углу с Брайаном. Увидев реакцию Джеймса, Брайан бессильно опустил руки. Потерянный, он откинулся на изголовье, пока Джеймс шел мимо с усердной Петрой.

«Брайан, сейчас ты слаб, но завтра утром вновь соберешься с силами, – думал Джеймс. – Не буду я тебя жалеть! Просто оставь меня в покое! Ты же прекрасно знаешь, что это лучший выход! Я нас отсюда вытащу. Поверь! Но не сейчас! За нами наблюдают!» Джеймс услышал, как заскрипела кровать Брайана, и почувствовал отчаянный взгляд, буравящий ему спину.

За ними тихонько прошелся рябой Крёнер и потрепал Брайана по плечу.

– Gut Junge⁵, спляшем польку, – проворчал он и затряс решетку в изножье ближайшей кровати.

Итак, «Ганга Дин». Джеймс вырвался из рук Петры и лег на кровать. «Как же звали тех проклятых сержантов? Вспоминай, Джеймс! Ты же знаешь!»

Крёнер сел и засмотрелся на зад Петры с белым болтающимся бантом – та уже вернулась к работе.

– Славная попка – а, герр штандартенфюрер? – спросил он, обращаясь к Джеймсу.

Каждое слово – как ледяной укол.

Великан согнул ноги и стукнулся о край кровати – затрясся весь железный каркас. Джеймс на его вопросы никогда не реагировал. Когда-то же он наверняка замолчит.

⁵ Хороший мальчик (нем.).

Пациенты по бокам от Крёнера уселись, как грифы, в постелях и уставились на Брайана – тот зарылся в одеяла и обессиленно улегся в неаккуратной куче. «Угомонись, Брайан, – мысленно взмолился Джеймс, – или нас прикончат!»

Глава 12

Лишь провалившись в глубокий сон, Джеймс вспомнил имена, причем вспомнил так неожиданно, что открыл глаза и стал вглядываться в серую полутьму палаты. Оставшихся двух сержантов из фильма «Ганга Дин» звали Макчесни и Баллантайн.

К реальности его вернули тяжелое дыхание и доносящийся отовсюду храп. Сквозь ставни просачивались слабые лучи света. Джеймс досчитал до сорока двух. Вновь появился луч света. Часовые на вышке за бараклом СС свое дело знали и еще несколько раз повернули прожектор, а затем спрятались под крышу из рубероида. Четвертую ночь подряд шел дождь, и всего две ночи назад от горных склонов эхом отдавались бомбардировки Карлсруэ – забежали часовые, резко выкрикивая приказы.

Поджав под себя ноги, зарыдал пациент с девятой кровати, гауптштурмфюрер – однажды при наступлении на Восточном фронте он больше десяти часов пролежал под придавившим его деревом, а его собственная группа зачищала территорию огнеметами. В ту ночь в палате не спали они двое. А сейчас – только Джеймс.

Тяжело набрав воздуха в грудь, он вздохнул. В тот день он заставил Петру краснеть. Как обычно, медсестра и санитар Воннегут с железным крюком вместо руки просматривали

сводки, пока он не схватился за маленький газетный кроссворд, – всякий раз, когда не получалось подобрать слово, он молотил жалким протезом по столу и недовольно вопил.

Воннегут держался сам по себе, так как атмосфера в палате весь день царила тяжелая.

В отношениях между Петрой и старшей медсестрой повисла напряженность. Сначала она поправила медсестринский значок Петры на косынке, а затем прибрала несколько мелких выбившихся светлых прядей. Потом Петра поправила старшей медсестре партийную эмблему на правом лацкане и протерла ее рукавом – ярко засияла красная эмаль, обрамляющая белые буквы: «Verband Deutsche Mädel»⁶.

К вечеру, когда у Петры должен был начаться выходной, старшая медсестра отослала ее сменщицу в другое отделение под предлогом помощи новичкам. Очевидно, это была месть – Петра вспыхнула и угрожающе замахнулась в ее сторону, едва та отвернулась.

В нее – взбунтовавшуюся, в туфлях без каблучков, сером платье и белом фартуке – невозможно было не влюбиться. Джеймс улыбался всякий раз, как она наклонялась и чесала под коленкой, где ее ноги туго обтягивали черные шерстяные чулки.

В интимный момент, когда глаза Джеймса прошли по ее фигуре, она обернулась и поймала его взгляд.

Тогда она и покраснела.

⁶ «Объединение немецких девушек» (нем.).

Рядом с ним беспокойно заерзал Крёнер – обычно это означало, что он просыпается. «Сдохнуть бы тебе во сне, свинья!» – неслышно прошептал Джеймс и заставил себя думать о Петре. В это мгновение она, наверное, лежит в своей комнатке на чердаке, а снится ей то, как он на нее посмотрел, – точно так же он сейчас думает об ответном взгляде. Лучше бы Джеймсу без всего этого обойтись. Тяжело быть молодым, когда распирают фантазии, реализовать которые невозможно.

В темноте сквозь ресницы мелькнул Крёнер – повернувшись к Джеймсу лицом, он стал его разглядывать. Джеймс осторожно зажмурился и стал ждать очередных перешептываний.

Кошмар вскрылся больше двух месяцев назад посреди ночи. Разбудили его торопливые, тяжелые шаги дежурной медсестры – она прошла по коридору к туалету для персонала за лестницей, ведущей во двор. Прямо перед ним к изголовью соседней кровати метнулся чей-то силуэт. Два резких рывка в изножье – и больше ни звука. Затем фигура повозилась с подушкой соседа, быстро прошла в дальний конец палаты и улеглась там в одну из кроватей.

На следующий день Воннегут, молотивший по торцам кроватей, обнаружил, что пациент, лежавший рядом с Джеймсом, мертв. Лицо у него потемнело. Из челюстей грубо, карикатурно вываливался язык. Глаза вывалились, в них сквозило отчаяние.

Говорили, он под подушкой остатки еды прятал и подавился рыбьей косточкой. Врач-ординатор Хольст, покачив головой, склонился к старшему медбрату и прошептал ему на ухо пару слов. Доктор Хольст засунул сжатые кулаки в карманы халата. Потом отмахнулся от каких-то вопросов Воннегута и распорядился, чтобы санитары унесли тело, пока службе безопасности и заведующему отделением не представится возможность создать трудности персоналу отделения.

В ночной полудреме Джеймс стал свидетелем убийства.

Из стороны в сторону крутилось несколько лиц, наблюдая за тем, как медсестры меняют на кровати покойника постельное белье, – вот она уже ровная, свежая, пустая.

В обед какой-то пациент встал с кровати, подошел к Джеймсу и улегся в свежестеленную постель. Он-то и зарубил его идею помогать медсестрам. Так он и пролежал, пока медсестры не привезли клецки и свинину в эмалированной посуде. Несмотря на нытье и вопли, его безжалостно вытащили из кровати. Но ненадолго.

Каждый раз, когда медсестры отворачивались, он, прокрадываясь обратно, натягивал одеяло до самого подбородка и крепко прижимал к себе. Успокаивался он, лишь укладываясь в эту постель. Когда история повторилась несколько раз, его оставили в покое – там, где он лег.

Каким бы невероятным ни был этот факт, в соседи Джеймсу достался убийца.

Джеймс ничего не понимал и в первые ночи от страха даже не мог уснуть. Каким бы ни был мотив сумасшедшего – если вообще был, – все может повториться. Поэтому безопаснее было спать днем, а ночью бодрствовать и считать, сколько раз на скрипучей кровати перевернется сосед. В случае чего он позовет на помощь или встанет и дотянется до свисающего со стены шнура – его укоротили, чтобы пациенты не дергали когда придется. Подобных попыток еще никто не предпринял.

На третью ночь после того случая в палате было совсем темно. Вопреки обыкновению, в коридоре потушили свет и закрыли все ставни. Отовсюду доносились храп и тяжелое дыхание, из-за чего страх притупился, а Джеймс расслабился. Пересказав себе одно из дел Пинкертона, он прибегнул к последнему фильму, что успел посмотреть в счастливые кембриджские деньки, великолепный эпос Александра Корды, и заснул.

Поначалу тихий шепот почти незаметно проник в сновидения Джеймса. словно чужеродный элемент, он каким-то образом смешался с любовной сценой. Открыв глаза и обнаружив, что слова никуда не делись, Джеймс вздрогнул. Слова были настоящими: реальными, приглушенными, обдуманными. И принадлежали не душевнобольному. Произносил их рябой Крёнер, лежащий рядом с ним убийца.

Из темноты ему отвечали другие голоса. Всего беседовали три человека: его сосед – убийца Крёнер и еще двое на

следующих кроватях.

– Ну да, черт возьми, пришлось мне представление устроить, – слышалось с дальней кровати. – Старшая медсестра, сука эта, застучала меня, когда я журналы Воннегута за столом читал.

– Глупость ты сделал, Дитер! – пробурчал рядом с Джеймсом Крёнер.

– Да что тут делать? Если раньше ты с ума не сошел, то сойдешь здесь, черт побери, потому что лежишь, а заняться вообще нечем!

– Так, с этого момента к журналам ты не прикасаешься. Второго раза не будет!

– Ну конечно нет! Думаешь, я так развлекался? Думаешь, весело несколько дней просидеть в камере, где все орут? Я туда больше не хочу. Кстати, их уже стали ликвидировать. Делать-то больше нечего.

– А чего они орут? Я думал, только пилоты бомбардировщиков тронулись, – прошептал сидевший посередине широкой Хорст Ланкау.

Джеймс чувствовал, как все сильнее бьется сердце, – он пытался не терять нить беседы, хотя сам он занервничал, кислорода не хватало. Он осторожно втягивал воздух сквозь зубы, чтобы вдох не заглушил то, что шепчут рядом; в висках застучало. Если не брать в расчет обстановку, шел совершенно обыкновенный разговор. Сумасшедшим ни один из троих точно не был.

Лишь к утру он осознал, сколь шатким становилось их с Брайаном положение, раз симулянты здесь не только они.

Главная проблема: Брайан ничего не знает. Если он будет и дальше пытаться с ним заговорить, их могут убить.

Придется Джеймсу избегать его любой ценой, игнорировать все попытки разговора и вообще все – никто не должен заподозрить связь между ними.

Что со всем этим делать Брайану – его дело. Поскольку они друг друга хорошо знают, Брайан, вероятно, постепенно поймет, что он так себя повел лишь вынужденно.

Придется Брайану научиться осторожности. Так надо.

Говорил Крёнер красиво. В узловатой исполинской фигуре с рябым лицом прятался одаренный, образованный и действующий исключительно в своих интересах человек. Именно он руководил остальными и заставлял всех замолчать, если кто-то вдруг зашевелится или раздастся посторонний звук. Он всегда был начеку.

Остальные двое – широколицый и его тощий товарищ Дитер Шмидт – большую часть дня спали, чтобы бодрствовать во время периодических ночных пререканий, а вот Крёнер всегда был чем-то занят.

Все его поступки имели одну цель: выжить, досидев в госпитале до конца войны. Днем он со всеми держался дружелюбно и трепал по щекам, бегал по поручениям медперсонала. Ночью он убил бы любого, кто, по его мнению, мог ему

помешать. Однажды он уже это сделал.

Ночные перешептывания могли длиться часами. С того случая с рыбьей косточкой ночной контроль усилился – время от времени, без определенного графика, в палате появлялась дежурящая в ночную смену медсестра. Затем по их лицам пробегал луч света динамо-фонарика. В палате всегда было тихо, как в могиле.

Когда по помещению переставал плясать луч света и звук постоянно движущихся пальцев, заставляющих работать динамо-машину, затихал где-то возле комнаты дежурного, Крёнер лежал лишь одно мгновение, пока не убедится, что в палате снова царит полный покой.

Шептаться они начинали, только когда он давал знак. А Джеймс весь обращался в слух.

Того пациента Крёнер придушил исключительно затем, чтобы подобраться поближе к своим товарищам и они могли разговаривать. Пока Джеймс не представлял для них угрозы, бояться нечего.

Он мог бы спокойно спать, если бы не рассказы симулянтов.

Глава 13

Как правило, рассказы отличались пугающей детальностью. Зверствами симулянты упивались и каждую ночь изо всех сил старались друг друга перещеголять. «А вы помните...» – обычно такими словами кто-то из симулянтов раскрывал кусочек мозаики, которая пусть и медленно, но постепенно объясняла, как эти люди оказались рядом с ним и почему решили любой ценой остаться здесь, пока не появится возможность убежать. Ну или пока не кончится война.

Джеймс был потрясен.

Когда мерзавцы наконец успокаивались, их рассказы проникали в кошмарные сны, приобретая форму, цвет, запах и такое количество подробностей, что просыпался он обычно, обливаясь потом.

В 1942 и 1943 годах оберштурмбаннфюрер Вильфрид Крёнер, буквально следуя по пятам за танковыми дивизиями войск СС, двигавшимися на Восточный фронт, вел по приказу подкрепление для СД, службы безопасности. Здесь он узнал, что сломить можно любую волю, – благодаря этому свое дело он полюбил.

– До того как оказаться на Восточном фронте, мы хорошо знали, как упрямо порой ведут себя на допросах советские партизаны! – Крёнер выдержал небольшую паузу. – Но раз

первые десять партизан уже оторались, можно вести следующих, правда же? Хоть один точно что-нибудь скажет, чтобы отправиться на небеса чуть-чуть менее болезненно.

Силуэт с соседней кровати рассказывал, как вешали преступников – их медленно вздергивали, так что пальцы ног еле касались земли, – и пытался передать то щемящее чувство, возникавшее у него, если землю подмораживало и кончики пальцев лихорадочно плясали на зеркально-гладком льду. Он самодовольно рассказывал о тех случаях, когда ему удавалось перекинуть веревку через виселицу так, чтобы на обоих ее концах болталось по партизану – и чтобы весили они примерно одинаково.

– Если они много дергались, то, естественно, получалось это не всегда – приходилось прибегать к более традиционным методам, – добавлял он. – В целом фантазия поощрялась. Она внушала уважение. У меня на допросах партизаны говорили охотнее!

Улавливая малейшее движение, по палате заскользил взгляд Крёнера. Джеймс тут же закрыл глаза, когда рябой, обернувшись, уставился на него.

– Если вообще говорили, – добавил он.

Джеймса затошнило.

Для Крёнера то время по многим причинам было драгоценным. Как-то во время допроса мелкий, упрямый лейтенант советских войск, несмотря на несгибаемую волю и упорство, все же сломался и вытащил из брюк полотняный

мешочек. Ему это ничего не дало – его забили до смерти, – а вот мешочек оказался интересным.

На стол высыпались кольца и немецкие марки, серебряные и золотые нательные кресты, небольшая сумма в рублях. Когда они стали делить добычу, его адъютант оценил ее стоимость в две тысячи марок. По четыреста каждому офицеру в штабе Крёнера, восемьсот ему самому. Эти вещи они звали военными трофеями и впредь лично обыскивали пленных, когда тех приводили на допрос или ликвидацию – так лаконично Крёнер звал казнь без суда и следствия. Рябой смеялся, когда рассказывал, как подчиненные схватили его при попытке поживиться, ни с кем не поделившись.

– Вот ведь скоты, они меня еще сдать грозились! Да ведь они сами также виноваты! Все себе что-то прикарманивали, если получалось!

Поджав ноги, слушатели тихонько смеялись, хоть и слышали эту историю не в первый раз. Крёнер доверительно понизил голос:

– Надо же о себе подумать! Вот я и избавился от всех троих, чтобы они мне больше номеров не откололи. Когда два трупа нашли, меня, естественно, допросили, но доказать-то все равно ничего не смогли. Решили, что третий дезертировал. Удачно все сложилось. А мне больше делиться ни с кем не надо было.

Лежащий посередине мужчина приподнялся на локтях.

– Ну со мной-то ты во всяком случае поделился! – сказал

он.

Джеймс и правда никогда не видел лица шире; его испещряли мелкие косые морщины, которые ни с того ни сего складывались в улыбку, порой в них залегала тень тревоги. Темные брови прыгали вверх и вниз, вызывая к нему доверие.

Роковая ошибка.

Впервые Крёнер и этот самый Хорст Ланкау столкнулись зимой 1943 года, за четырнадцать дней до Рождества. В тот день Крёнер участвовал в облаве в южной части Восточного фронта. Ее цель – зачистка после недавнего рейда.

Деревни пострадали, но уничтожены не были. За полуразрушенными дощатыми стенами, загороженными связками соломы, еще оставались семьи – жили на супе из последних костей забитой скотины. Крёнер вывел всех людей и расстрелял. «Дальше!» – поторапливал он солдат СС. Он задался целью поймать не тех, кто, возможно, партизанил, а советских офицеров – им было что рассказать, а еще наверняка из них можно будет вытрясти что-нибудь ценное.

На окраине четвертой деревни солдаты СС протащили между горящими домами мужчину и швырнули перед машиной Крёнера. Мерзавец тут же поднялся, вытирая снег с лица и презрительно фыркая в сторону охраны. А затем бесстрашно посмотрел на своего судью.

– Прикажите им уйти, – говорил он явно на прусском диалекте и смотрел хладнокровно, отмахиваясь от конвоя. – Я могу кое-что важное рассказать.

Крёнера подобное пренебрежение к смерти разозлило – целясь в равнодушное лицо и держа на курке палец в кожаной перчатке, он потребовал, чтобы мужчина встал на колени. Одетый в жалкую крестьянскую одежду мужчина без малейшей доли раскаяния сообщил, что он немецкий дезертир, штандартенфюрер подразделения горных стрелков и чертовски хороший солдат, у него много наград – его просто так не расстреляют.

Любопытство, медленно овладевшее Крёнером, спасло бедолаге жизнь. Когда он сообщил, что зовут его Хорст Ланкау и что у него есть предложение, на его широком лице читался триумф.

Военное прошлое Хорста Ланкау оказалось темным. Джеймс заключил, что военную карьеру тот делал еще до начала войны. Опыт у него был богатый. Судя по всему, его ждала славная, но в то же время обычная военная карьера.

Война на Восточном фронте быстро поломала даже великие традиции.

Изначально подразделение горных стрелков Ланкау – одна из козырных карт наступления – предназначалось для захвата советских штабных офицеров в тылу противника. Затем их нужно было передать службе безопасности, в редких случаях – гестапо, там из них и выжимали все возможное. Хорст Ланкау этим занимался уже несколько месяцев. Грязная и опасная работа.

Однажды им повезло: в плен взяли генерал-майора, в

вещах которого, помимо прочего, обнаружилась маленькая шкатулка: в ней лежало тридцать мелких, но чистых бриллиантов. Целое состояние.

Благодаря этим тридцати камешкам он и принял решение: пережить войну любой ценой.

Крёнер заготовил, когда Ланкау дошел до уже известного ему сюжетного поворота: чуть ли не извиняясь, он рассказал, как на воровстве его поймали свои же люди.

– Я этих доверчивых идиотов собрал у костра и выдал дополнительную порцию эрзац-кофе.

Добравшись до самой сути истории, он заготовил вместе с Крёнером. Ланкау с помощью обычной ручной гранаты взорвал солдат элитного подразделения и их пленников, пока они хлебали кофе; их и опознать было невозможно. Потом Хорст Ланкау искал убежища у советских крестьян, оплачивая собственную безопасность всякой мелочью. Находясь там, он думал, что им с войной придется друг без друга обойтись.

Но тут вмешался Крёнер.

– За свою жизнь я отдам половину бриллиантов, – бесстрашно завлекал он своего надсмотрщика. – Если потребуешь все, лучше сразу меня пристрели: ты их не получишь и не найдешь. Но получишь половину, если отдашь мне свой пистолет и позволишь пожить у себя. Когда придет время, сообщишь, что я был в плену у советских партизан, а ты меня освободил. А пока я побуду у тебя, чтобы мне не надо

было общаться с другими офицерами. Что будет дальше, я тебе потом расскажу.

И они стали торговаться о дележке – в итоге поступили так, как захотел Ланкау. По пятнадцать бриллиантов каждому, а Ланкау будет жить у Крёнера и держать в кармане заряженный пистолет.

– За каждую неделю, что ты у меня проведешь, я хочу бриллиант, – предложил наконец Крёнер, пытаясь надавить.

В ответ широкое лицо расплылось в не менее широкой улыбке. Крёнер понял, что это отказ. От Ланкау надо бы как можно скорее избавляться, чтобы он не привлек лишнего внимания.

В течение трех дней, пока у Крёнера была увольнительная по случаю праздников, Ланкау не отходил от своего спасителя ни на шаг. Почему Крёнеру было не по себе, он и сам не знал – дело было то ли в руке, всегда опущенной в карман, где лежал пистолет, то ли в извечном глуповатом, чуть ли не кротком выражении лица Ланкау. Но он заужал присущие Ланкау выдержку и хладнокровие. Постепенно он стал подозревать, что вместе они могли бы добиться того, чего у них никогда не вышло бы поодиночке.

На третий день они направились в Кировоград, куда ездили большинство солдат, когда еда полевых кухонь казалась слишком однообразной, а жизнь на фронте – чересчур мрачной.

Крёнер часто сиживал в полудреме, уперев локти в дубо-

вый стол, и развлекался тем, что выбирал посетителей, с кем можно было повздорить, а еще лучше – того, кто откупится за то, чтобы его не избили.

Там Ланкау посвятил Крёнера в планы, составленные им за месяцы безделья в советской деревне.

– Я хочу как можно быстрее попасть в Германию и теперь знаю, как это сделать, – негромко говорил он на ухо Крёнеру. – В какой-нибудь день ты сообщишь комендатуре, что освободил меня из плена, как мы и договаривались. Потом достанешь у врача справку, что партизаны меня так сильно пытали, что я умом повредился. Когда я окажусь в санитарном поезде и поеду на запад, ты получишь еще два бриллианта – я их спрятал.

План Крёнеру понравился. Так он избежит от Ланкау, да еще и в выигрыше останется. Получилась своего рода генеральная репетиция: что ему самому делать, когда оставаться на фронте станет слишком рискованно.

Как бы то ни было, все пошло не по плану. Позади офицерской пивной было четыре мелкие уборные – в дополнение к двум внутри. Крёнер же предпочитал справлять нужду на свежем воздухе.

Пошатываясь и с облегчением застегивая ширинку, при мысли еще о двух бриллиантах он ухмыльнулся – и открыл дверь. Перед ним в полной темноте стоял человек, явно не собиравшийся дать ему пройти. Крёнер счел это глупой затеей – если роста ты невысокого, да и по виду хилый.

– Хайль Гитлер, герр оберштурмбаннфюрер, – пропищал мужчина, не сдвинувшись ни на миллиметр.

В тот момент, когда Крёнер сжал кулак, намереваясь убрать препятствие с дороги, офицер коснулся фуражки и отступил – туда, где неяркий свет освещал стену заднего двора.

– Оберштурмбаннфюрер Крёнер, у вас не найдется немного времени со мной переговорить? – спросил незнакомец. – Хочу вам кое-что предложить.

Произнеся всего несколько предложений, невысокий толстый офицер полностью завладел вниманием Крёнера. Оглядевшись по сторонам, Крёнер взял гауптштурмфюрера под руку и повел на улицу – к широколицему, а потом в машину, оставленную в ближайшем переулке.

Невысокого, жилистого человека звали Дитер Шмидт. Приказ разыскать Вильфрида Крёнера он получил от начальства. Его командир свое имя раскрывать не хотел, но сказал, что при желании Крёнеру не будет стоять больших трудов его выяснить.

– Если вдруг что-то пойдет не так, всем сторонам лучше друг друга не знать, – сказал Дитер Шмидт, поглядывая на Хорста Ланкау; тот и не собирался представляться. – Раз это план моего командира и поначалу, пока дела не наладятся, предъявить обвинения смогут только ему, он просит вас с уважением отнестись к его желанию сохранить анонимность.

Тощий человечек расстегнул верхнюю пуговицу шинели и, прежде чем говорить дальше, долго смотрел им обоим в глаза.

Дитер Шмидт из танковой дивизии вермахта – это всем было известно. Но лишь немногие знали, что изначально он был штурмбаннфюрером и заместителем начальника концлагеря.

Несколькими месяцами ранее Шмидта и его начальника, отвечавшего за концлагерь и три более мелких относящихся к нему трудовых лагеря, сняли с должностей, понизили на одно звание и перевели на административную работу в вермахт, на Восточный фронт. Достойная альтернатива позору и казни. Но чем дольше они находились на советской земле, тем лучше понимали, что, вероятно, никогда с нее не уйдут. Немцы сражались как бешеные, пытаясь защитить свои позиции, но признаков того, что им удастся сдержать советские войска, уже не наблюдалось. Несмотря на то что в первую очередь в задачи Дитера Шмидта входило управление делами и конторская работа, фронт был довольно близко – советские танковые дивизии до них меньше чем за полчаса доберутся.

Если кратко, то их жизнь постоянно подвергалась опасности. Пишущей машинке каждый день сопровождал грохот орудий. Из двадцати четырех старших штабных офицеров осталось всего четырнадцать.

Таков Восточный фронт – все это знают.

– Наши махинации в концлагере вряд ли были очень уж необычными, но мы этого тогда не знали, – объяснял Дитер Шмидт. – На каждый день у нас был бюджет – надо было держаться в его рамках. Например, мы получали тысячу сто марок в день на содержание пленных. Вот мы и обманывали центральную администрацию и примерно каждый пятый день не выдавали заключенным еду. Пленные ведь жаловаться не станут. Мы эту меру обозначили как коллективное наказание голодом за провинности, которых на самом деле никогда не было. Конечно же, несколько тысяч человек отбросили коньки, но на это никто не жаловался. За плату мы отдавали внаем рабочую силу, но редко вели точный учет доходов; в итоге мы чуть снизили рекомендованные ставки, из-за чего, естественно, вырос оборот. Фабриканты и другие работодатели ни разу не пожаловались. Образцовое сотрудничество. В конце лета общая прибыль подошла к миллиону марок. Предприятие прекрасно работало, пока во время проверки капо⁷ не свалил чиновника из Берлина: у того очки разбились. Заключенный рухнул на колени и стал умолять сохранить ему жизнь – как будто у кого-то было желание себя этим утруждать. Он выл, умолял, цеплялся за удивленного чиновника, пытавшегося вырваться, – хватка в результате становилась лишь крепче. Наконец капо крикнул, что, если его пощадят, он ему все расскажет о жизни в лагере. Естественно, имевшиеся у него сведения были весьма

⁷ *Kapo* – заключенный концлагеря, сотрудничающий с администрацией.

скудные, но, прежде чем мы оттащили и увели его, он успел выкрикнуть, что с суточным пайком в лагере дело нечисто. И было уже поздно. Во время проверки все, что мы спрятали, нашли и конфисковали. Больше месяца мы просидели в тюрьме в Люблине – ждали исполнения смертного приговора. Что, кроме хода войны, изменило решение суда, мне неизвестно. Но кто-то передумал. А мы оказались на Восточном фронте.

Постепенно у Джеймса скопилось немало информации. Рассказ о находившихся рядом с ним симулянтах собрался из обрывков сведений, коротких историй и длившихся часами хвастливых разглагольствований.

Тощий Дитер Шмидт, лежавший дальше всех, обычно говорил очень тихо, а потому многое понять было тяжело. В подобной необычной ситуации сложно было определить, был ли он по своей натуре сдержанным или просто боялся, что его раскроют. Однако было ясно, что чем больше сеансов электрошоковой терапии, тем рассеянное становился Дитер Шмидт, в то время как ни Крёнер, ни Ланкау на них особо не реагировали и регулярно беседовали.

Джеймс молил о том, чтобы однажды ночью их услышала медсестра. Тогда трех подонков раскроют и этот кошмар закончится.

До этого момента ему лишь надо позаботиться о том, чтобы ни у кого из них не появилось подозрений на его счет.

Рассказы симулянтов вызывали ужас, но в то же время завораживали. Так же как фильмы и романы, которые Джеймс вызывал в памяти, постепенно он погружался в них все глубже и глубже.

Перед глазами мелькали события.

Дитер Шмидт всегда называл своего командира Почтальоном – прозвище ему досталось, потому что он писал поздравления на человеческой коже.

– Разве не этого хотят все в лагере – чтобы их отправили подальше отсюда? – говорил он.

Дитер Шмидт отзывался о Почтальоне как о человеке веселом и сообразительном: благодаря ему условия их жизни в концлагере оказались сравнимы с домом – во всех отношениях.

Но когда их понизили в звании и перевели, изобилию и темным делишкам Почтальона и Шмидта пришел конец. Средства стали скромнее, ответственность лежала на других людях, а их работу контролировали с определенной подозрительностью, тщательно и основательно.

И тем не менее благодаря невероятно благоприятному стечению обстоятельств шанс им представился.

– В день, когда пало несколько участков фронта – в Берлине это событие предпочли назвать «сокращение длины линии фронта», – у Почтальона появилась мысль. Как вы знаете, в такой ситуации все кричат об усилении и дополнитель-

ном снабжении.

Взбешенный обергруппенфюрер Хот, генерал 4-й танковой армии, утверждал, что исчез целый поезд с запчастями для бронетанковой техники, и приказал нашему подразделению срочно их достать.

За три дня до того, как русские отбили Киев, мы действительно обнаружили грузовые вагоны в укромном местечке городского депо. Обрадовавшийся Хот приказал Почтальону лично проследить за тем, чтобы транспорт отправили в Винницу, где запчасти ждала сломанная техника.

В Виннице сотни тяжелых деревянных ящиков с запчастями для двигателей, гусеницами, карданными валами и более мелкими деталями выгрузили на огромный склад. За ним царила почти полная темнота – в жутком беспорядке стояли тысячи ящиков. Отовсюду торчали незапакованные рамы, ткани и бесчисленное количество предметов, вызвавших любопытство и привлечших наше внимание. Нас с Почтальоном увиденное поразило – огромное количество трофеев оставили здесь до тех пор, пока не появится свободный транспорт, который и повезет это все на родину.

Довольно быстро мы узнали, что оказались правы. Весь 1943 год сюда поступали предметы, чья стоимость превышала три тысячи рейхсмарок, украденные из местных церквей, общественных организаций, музеев и частных собраний. Теперь, когда линии фронта подходили все ближе, становилось ясно, что эту богатую добычу эвакуируют. Так в

голову Почтальона пришла гениальная мысль: оттащить пару сотен ящиков в сторону на пятьдесят метров и поставить их отдельно.

Посмотреть, что будет.

Через пять дней Почтальон и Дитер Шмидт пришли в пакгауз и испытали настоящее упоение. Сработало! Все ящики уже увезли.

За исключением отставленных.

Теперь хлопот у них прибавилось. Когда груз придет в Берлин, при выгрузке и пересчете окажется, что пары сотен ящиков не хватает.

– Поэтому мне приказали попытаться с вами поговорить, герр оберштурмбаннфюрер Крёнер, – объяснял Дитер Шмидт в машине на задворках кировоградской пивной. – Дело в том, что нам нужна помощь высокопоставленного лица со связями в службе безопасности. В этих краях вмешиваться в дела СД никому не захочется. Кроме того, войсковые части, работающие со службой безопасности, имеют ряд других преимуществ, таких как мобильность и стойкость. Недавно мы поняли, что нам нужны именно вы. Герр оберштурмбаннфюрер, мы с вами работаем на одном участке фронта. Нам известно, что в ряде случаев вы демонстрировали исключительную личную инициативу. У вас есть способности и воображение. Но что нас поразило в первую очередь, так это ваша полная беспринципность. Простите меня

за прямоту, но времени на особо вежливые формулировки нет.

Появился план.

Крёнеру предстояло обеспечить переправку русских пленных в Винницу. Здесь эти бедолаги под руководством Ланкау будут грузить реликвии, иконы, церковную серебряную посуду и прочие ценности в товарный вагон, который Почтальон поставил чуть в стороне, в нескольких сотнях метров от склада. Товарный вагон предназначался для «сбора запчастей». Никто его не хватится.

Каким образом потом убрать пленных – этот вопрос предстояло решить Крёнеру и Ланкау.

Затем Дитер Шмидт раздобудет товарному вагону поддельные документы и сделает так, чтобы он тут же отправился в деревню в самом центре Германии. Запертый, там он незамеченным простоит на запасном пути до конца войны.

Лишь когда груз уйдет, Крёнер подаст в комендатуру рапорт об «освобождении» Ланкау. В полном соответствии с изначальным планом его признают психически больным и отправят в Германию.

Когда ушло недоверие, Дитера Шмидта такая деталь, как сумасшествие, даже воодушевила. Разумеется, оставался риск, что тебя раскроют или уничтожат. Руководя концлагерем, он и сам отдал сотни приказов на ликвидацию сумасшедших. Все решала степень безумия. Надо только вну-

шить окружающим, что он не был неизлечимо больным. Тогда оставался реальный шанс на то, что все получится.

А какие еще варианты? В последние недели война превратилась в ад на земле. Неустанное сопротивление действовало ужасающе эффективно. Выиграть войну было уже невозможно. Речь шла о том, чтобы выжить любой ценой, а если махинации вскрыют, будет весьма полезно оказаться подальше от эпицентра событий.

Идея симулировать психическое заболевание подходила им идеально. С чего кому-либо подозревать контуженных, находящихся за тысячу километров от фронта, в краже ценностей, чей общий вес составляет несколько тонн? Дитер Шмидт не сомневался: им надо прикинуться сумасшедшими. Всем вместе! Ему самому, Крёнеру, Ланкау и Почтальону.

Все прошло как по маслу. Помимо ожидавшей их богатой наживы, у всех были весьма весомые причины убраться подальше.

Операция «Безумие» начнется, когда Почтальон отправит кодовое слово «Heimatschutz». Как только Крёнер получит его, он должен будет зачистить пару украинских деревень – и как бы освободить там Ланкау.

Затем Крёнеру необходимо было навестить Дитера Шмидта по официальному поводу – попросить о помощи для подкрепления СД в сложной ситуации со снабжением.

Во время встречи им необходимо было остаться одним после обеда, когда советская артиллерия обычно забрасывала снарядами тыл. Как только вал огня приблизится, им нужно найти укрытие и взорвать квартиру Дитера Шмидта. Необходимо создать впечатление, что туда попал советский «шальной снаряд». Во время разбора завалов обнаружат и Крёнера, и Шмидта – обездвиженных и контуженных. В таком состоянии они пробудут до конца войны.

Почтальон разберется сам. «Я появлюсь вовремя», – сообщил он. Через некоторое время Дитеру Шмидту удалось убедить Крёнера и Ланкау в том, что Почтальон не из тех, кто бросает своих.

Глава 14

Прошлой ночью Джеймс плохо спал уже в третий раз за неделю. Все его тело покрывалось холодным потом.

«Я нас отсюда вытащу, Брайан! Обещаю!» Пытаясь отогнать сновидения, Джеймс затряс головой и ударился затылком об изголовье. От резкой боли он распахнул глаза. Рябой уже проснулся и лежал на боку, на скомканной подушке. Смотрел он прямо на Джеймса – тот сразу же монотонно зашел. Джеймс почувствовал на себе его равнодушный взгляд, повернулся и зажмурился от красноватых полос утреннего света, пробивавшихся сквозь мелкие щели ставней. Таким же было утро на утесе в Дувре – тогда, много лет назад.

У семьи Брайана был домик в Дувре – Джеймс любил туда приезжать. Иногда посреди недели по внезапно возникшей прихоти вся семья Янг садилась в машину и отправлялась за двадцать пять километров по живописному краю – до самого побережья. Еще с тех пор, когда мистер Янг был холост, в доме можно было жить круглый год. Занималась им семейная пара.

Мистер Янг любил море, ветер и вид на широкий простор. В выходные они редко бывали там без Джеймса.

По мнению матери Джеймса, в Дувре задерживаться не стоило. Подобный город надо просто проезжать. Она остава-

лась к нему равнодушной, но тем не менее считала его олицетворением чего-то неизведанного и опасного. Человеком она была тревожным. По этой причине Джеймс никогда не рассказывал родителям об экспериментах с дымовыми шашками и бомбами-вонючками или об их с Брайаном удивительных изобретениях, среди которых значились плот, материалом для которого послужили бочки из-под селедки, или огромная рогатка из скрученных велосипедных камер.

Вряд ли миссис Тисдейл обрадуется, узнай она, с какой силой и точностью ее сын способен запустить булыжник: с пятидесяти метров мешок зерна пробивает.

Дувр был своего рода островком свободы. «Вон идут сыновья мистера Янга!» – говорили им вслед, когда они шли по набережной.

Мальчишки всегда радовались, когда их принимали за братьев, – в ответ они, как правило, клали друг другу руку на плечо и громко пели свой гимн. Незамысловатая песенка, которую один воздыхатель Элизабет слышал в фильме, – они с Брайаном его так и не посмотрели.

I don't know what they have to say
it makes no difference anyway
whatever it is, I'm against it
no matter what it is or who commenced it
I'm against it!

Your proposition may be good

but let's have one thing understood
Whatever it is, I'm against it!⁸

Пели они громко. Снова и снова пропевая эти строчки, они доводили окружающих до исступления. В песне был еще один или два куплета.

Но они так про них и не узнали.

Их любимый учитель мистер Денэм прекрасно описывал исторические события – мальчишки погружались в предприятия дерзких мужчин и женщин. Перед ними появлялись Кромвель, Томас Бекетт, королева Виктория и Мария Стюарт. Мимо кафедры проносились всадники.

Любимый урок.

Открыв для себя Жюль Верна, мальчишки побывали в недрах земли, нырнули в глубь океана и полетали на удивительных аппаратах.

Стоило одному прочертить пару линий, другой уже знал, о чем пойдет речь. Час за часом без единого слова они развивали мысли друг друга.

В эти чудесные мгновения они придумали гигантское сверло, способное пробурить шахту или тоннель до самой Франции, и автомобиль, который перевезет весь город сюда,

⁸ Мне неизвестно, что там болтают, Разницы мне все равно никакой. Как бы то ни было, против я буду. Не важно, какой там вопрос на кону, — Против я буду! Может быть, дело ты говоришь, Но одну вещь ты себе уяснишь: Как бы то ни было, против я буду! (англ.)

где хорошая погода.

Поскольку в глазах мальчишек осуществить все это было легко, всегда возникал вопрос: ну почему же раньше этого никто не сделал? И они решили попытаться сами.

Как-то во время осенней бури мистер Денэм измерил скорость ветра – 27 ярдов в секунду. Брайан с Джеймсом молча смотрели на маленький анемометр. 90 километров в час.

Огромное число.

Прежде чем идти из школы домой, они посидели на бордюре перед зерновой биржей, не обращая внимания на прохожих.

При благоприятных условиях со скоростью девяносто километров в час можно за полчаса долететь до Франции. А если ехать по льду на специальных санях, потратить придется вдвое больше времени.

На исходе дня они нашли то, что определит их судьбу. Решили сшить воздушный шар и испытать удивительную силу ветра.

Им хотелось летать.

По выходным они воровали куски брезента состроек возле дуврского порта. Транспортировку домой в Кентербери обеспечивал ничего не подозревающий мистер Янг: под задним сиденьем машины обнаружилась весьма просторная ниша.

Почти год ребята шили воздушный шар в беседке семей-

ства Янг. Никто не должен ничего знать. Надо было торопиться. После каникул случится неизбежное. Вместо Королевского колледжа в Кентербери, они будут учиться в Итоне. Значит, на выходные в Дувр приезжать будут нечасто.

На третий день каникул с работой было покончено.

А ничего не подозревающая Джилл нашла решение их проблемы: как перевезти воздушный шар обратно в Дувр, где есть скалы и ветер.

10 июля 1934 года Джилл исполнится восемнадцать. В их краях среди девушек из хороших семей в этом возрасте стало модно начинать готовиться к замужеству – на протяжении столетий так поступали дочери слуг. К свадьбе было принято готовить столовые приборы и фарфоровую посуду.

По мнению Джилл и ее подружек, для этих сокровищ был нужен специальный шкаф. А у нее такого не было. В газете появилось объявление: «Продается посудный шкаф. Возможен обмен на дамский велосипед в хорошем состоянии, от уважаемого производителя. Обращаться в „Бриггс и Ко“!» Когда она прочитала адрес, мальчишки воодушевились.

Они поедут в Дувр.

В жертву принесут велосипед миссис Тисдейл.

А завернули его в воздушный шар.

Оказавшись в пункте назначения, мальчишки спрятали брезент под разгрузочной площадкой, пока мистер Тисдейл с дочерью занимались своим делом.

Шкаф уже отдали. Джилл была безутешна. Во время поездки домой Джеймс несколько раз гладил старшую сестру по руке.

– Возьми у меня носовой платок, – в конце концов предложил он.

Недоверчиво осмотрев обрывок ткани, Джилл рассмеялась:

– Братик, да это скорее тебе мой платок нужен!

Джеймс до сих пор помнил ямочки у нее на щеках.

Она протянула ему голубой носовой платок с каемочкой – Джилл ее сама вышила.

Впоследствии Брайан каждое утро с удивлением наблюдал за тем, как Джеймс повязывает свой талисман на шею. Ветра мальчишки прождали две недели.

И вот этот день настал. Поднялся ветер, в кровати ребята засунули подушки с одеялами. На вершине было так ветрено, что пикировавшим на них агрессивным чайкам с трудом удавалось не сбиться с курса. Положив руки друг другу на плечи, мальчишки глазели в сторону земли обетованной по другую сторону пролива.

Ветер дул в нужном направлении.

Они принесли корзину дров, которую с осени прятали между деревьями на склоне по другую сторону от берега. Корзину – свою великолепную гондолу – мальчишки закрепили пятью крепкими веревками под отверстием воздушного шара. Затем уложили поленья под дерево, чью крону

украшал брезент. Когда рассвело, под растущим шаром уже несколько часов весело потрескивало пламя.

Ткань еще не наполнилась на две трети, когда взошло солнце; погода выдалась хорошая, и они увидели очертания Европейского континента. Внизу, на общественном пляже, вдоль стоящих в ряд кабинок для переодевания у кромки воды бродили выпавшиеся обитатели гостевого дома.

Их голоса Джеймс не забыл до сих пор.

В ответственный момент – их путешествие только началось – Джеймс допустил несколько ошибок. Он настоял на отправлении, чтобы их не увидели утренние купальщики. Брайан был против. Ткань еще до конца не наполнилась воздухом.

– Поверь мне, – сказал Джеймс, – все пройдет как надо!

Когда ветер наконец приподнял воздушный шар всего на дюйм, Джеймс обрел уверенность. Вид у висевшего над ними брезента был внушительный. Овальный, выпуклый, крупный. Затем Джеймс отвязал последний трос и выбросил за борт пару поленьев.

На мгновение над обрывом зашатался огромный силуэт воздушного шара. Испуганный Брайан посмотрел вверх и указал на швы, через которые выходил теплый воздух.

– Давай в другой раз, Джеймс, – предложил он, но Джеймс замотал головой и посмотрел в сторону мыса Гри-Не.

Потом, словно одержимый, он в одну секунду вышвырнул на землю оставшиеся дрова, провизию и запасную одежду.

В то мгновение, когда корзина грациозно приподнялась, воздушный шар расправился, вытягиваясь под непредсказуемыми порывами ветра, словно парус. На глазах у молчаливого Джеймса Брайан выпрыгнул в безопасное место.

А потом воздушное судно опрокинулось.

Позже оказавшиеся в городе зрители рассказали, что порывом ветра воздушный шар бросило на обрыв, а затем он зацепился за уступ – и, судя по звуку, порвался.

– Придурок! – заорал Джеймс на Брайана, чье побледневшее лицо осторожно высунулось из-за кромки обрыва.

Сдуваемая мечта издавала усталый и зловещий звук. Под мелкими порывами ветра куски брезента трепались об обрыв и разлетались. Украденной ими ткани никто не хватился: она обветшала.

Ругаться Джеймс перестал. Над ним Брайан нерешительно свесил ноги с утеса и пополз вниз. В те годы на этой части обрыва несчастных случаев не было. Но мальчишкам было известно, что раньше западный склон уносил много жертв. Говорили, что найденные тела напоминали расплюснутых сушеных рыбин.

Когда ткань с треском пролетела вниз еще пару метров и оборванные концы начали трепетать на ветру, Брайан, не прерывая опасную спасательную операцию, описал брюки. Жидкость беспрепятственно вылетела из штанин.

На самом верху оказалось латунное кольцо, через которое изначально продевался крепящий парусину такелаж. Через

него они пропустили веревку, до сих пор болтавшуюся посреди воздушного шара. Выполнив свою задачу, они потянули бы за конец веревки и выпустили воздух из воздушного шара, чтобы контролировать посадку.

В тот момент, когда Брайан, вцепившись в пористую меловую поверхность обрыва, стал лихорадочно искать это самое латунное кольцо, Джеймс затянул их гимн.

И вдруг воздушный шар развалился.

Внизу от мелового склона ритмично отдавались слова Джеймса:

I don't know what they have to say
it makes no difference anyway
whatever it is, I'm against it...

Остальное Джеймс особо не помнил. Брайану – в глазах у него стояли слезы – удалось схватить конец веревки, потянуть за него и распустить на всю длину. Когда они наконец улеглись на краю утеса, на брюках Джеймса в паху тоже обнаружились большие темные пятна. Пытаясь отдышаться, Брайан долго смотрел на все еще певшего друга.

Джеймс часто вспоминал эту историю. Во время операции «Supercharge»⁹ в африканской пустыне, ночных вылетов, в трудные годы учебы в Кембридже, в комнатах Тринити-кол-

⁹ «Суперзаряд» (англ.). Также в западной историографии эта операция называется Вторым сражением при Эль-Аламейне (1942 г.).

леджа.

Джеймс отчаянно пытался вернуться в реальность больничного отделения. С нижнего этажа до него донеслось пошвякивание. Воздух стал тяжелым от оставшихся с ночи неприятных запахов. Осторожно повернув голову, он снова посмотрел на Брайана. За его спиной чуть колыхались занавески, хоть ставни были закрыты. В ряду кроватей, где лежал Брайан, не спал лишь тощий карлик с красными глазами. Глядя прямо на Джеймса, он неуверенно улыбнулся. Когда Джеймс никак не отреагировал, он натянул на лицо одеяло и затих.

«Я тебя отсюда вытащу, Брайан!» – подумал Джеймс, вновь повторяя по кругу одни те же слова, а затем поддался царящей в отделении апатии и влиянию электрошоковой терапии.

Глава 15

Стало теплее. А с теплом пришли и изменения.

От чулок до колен медсестры избавились – им на смену пришли белые носочки до щиколоток.

В отделении появился запах. Из туалетов и расположенной в торце палаты ванной комнаты каждый раз, когда открывалась дверь, тянуло тяжелым, влажным духом. По этой причине Воннегут позвал солдата СС, бывшего плотника: тот ловко обстругал одно окно, и теперь свежий воздух проникал внутрь, перемешивая запахи, не важно, открывали окно нараспашку или закрывали.

Рамы остальных окон были накрепко завинчены.

Давно прошла пора птичьего щебетания на крыше в полутора этажах над ними. О ней постоянно напоминали длинные потеки чего-то непонятного на внешней стороне стекол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.